



Наталья Рубинская

Бродячая музыка



Наталья Рубинская

Бродячая музыка

P82

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)

P82 Рубинская Н. Б. **Бродячая музыка.** Стихотворения. — Челябинск:
Цицера, 92 с.

ISBN 5-93162-029-5

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)

© Рубинская Н. Б., 2004 г.

© Никонюк С. В.,

иллюстрации, 2004 г.

© Соколов А. А., 2004 г.

Кроткая дудочка

Суть мироздания кротка. Все амбиции и одержимости прейдут, а кротость останется.

Читая сборник Натальи Рубинской, я вспомнил один свой любимый образ — человека, просто сидящего у раскрытого окна и наблюдающего за садом (не обязательно своим, лучше не своим), просто так вот сидящего и созерцающего в тишине и в кажущейся полной бездеятельности, день за днём. Человека с распахнутыми настёж глазами. Бытийствующего, а не пленённого сутолокой мира.

Величие такой созерцательной работы недеяния мне очень внятно и близко, как близок кроткий, нежно касающийся простейших вещей, ритм души героини стихов Н. Рубинской, которая, например, признаётся себе:

Я разучаюсь говорить,
я становлюсь почти растением...

Или:

Ах, только птицы и цветы,
листва берёз, накрытых солнцем,
синиц листвяных перезвонцы,
сошествие имён простых:

скамейка, грядка да дрова,
крыльцо, колодец да веранда,
воздушный путь, луны шаланда
да мокрая в росе трава.

Часто героиня Рубинской просто зачарована каким-нибудь предметом, который на день-другой, а иногда и третий или даже на неделю становится для неё то некоторой идентификацией её сути, то целым миром-мифом. Как, например, «кувшин из грубодутого стекла», в который поэтесса налила воды и поставила рябиновую ветвь. И вот она не может оторваться от подоконника. Ей непонятно чудо цветовых свечений и ландшафтов внутри кувшина. И вот она вглядывается в эти пейзажи и на расвете, и вечером, и в пору «малиновых закатов», и в пасмурность, и в ти-

хий дождь, который «натекает по тёмным брёвнам», и в шумную непогоду. И поражается неиссякаемости свечений, идущих словно бы не из физического света...

Читатель, вероятно, уже догадался, что живёт женственно-летучая героиня Н. Рубинской в деревне, в рубленом сосновом домике на берегу озера. Живёт она здесь, в чисто побелённой келье, уже много-много лет, живёт как странница с одним чемоданчиком личных вещей, меняя изредка дома, но не меняя озера и окружного леса. Это её мир, соразмерный её душе. Городских стихов у человека, чья «статусная» жизнь связана с преподаванием в Институте музыки, с многообильными обязанностями и таким же кругом общения, с фортепианными и иными интуициями любимого Скрябина etc., мы в книге почти не найдём. Если они и есть, то — как реминисценции тех диалогов с созерцательной подлинностью, где смиренность вод и растений учит нас возвращению к основности нашего интуитивного сознания.

Почему так? Потому что любому стиховому поэтическому голосу нужен инструмент. У Рубинской в стихах есть образ дудочки — простой полый ёмкости. О кларнете она пишет: «Ты дудка голая в серебряной оправе... Ты пуста... Но музыкай тебе не обернуться, пока не ляжешь мальчику в уста...» В этом — суть. Нужно найти, во что дуть, чтобы душа себя сказывала. У И. Бродского такой дудочкой была его страсть восхождения на высшую ступеньку Парнаса плюс отчаяние, спаенные воедино, у очень многих (как у Сафо или у Вероники Тушновой) — любовная тоска, у Рубинской дудочкой могла стать только природная стихийность, как то, в чём можно ощутить свою кроткую «первую родину» — термин Р.-М. Рильке, полагавшего, что земное лоно — вторая наша родина.

Героиня Рубинской вновь и вновь с великой доверчивостью касается своих травных и водных основ, своей способности почти растворяться в млечности ночных водн. Но это не гедонизм, это, как я уже сказал, почти метафорическая кротость. Вслушайтесь:

Живу на лунном берегу
среди цветов и трав,
молчу великую тугу
о том, кто так не прав.

Не буду плакать — стану петь
на лопнувшей струне,
с любовью на тебя смотреть,
пусть ты в другой стране.

Героиня Рубинской помнит и о своей первой земной родине — о Крыме, где прошло её детство и где она каталась на случайных дельфинах, к ней подплывавших. Реальная нереальность. Потому-то она и признаётся: «...А на самом-то деле живу я в Крыму, / в раскалённой, ласкаемой солнцем Алупке...» Крым подпирает её уральские кряжи и воды, сквозной соединительной дистанцией пронзает — незримой, конечно, не-называемой.

Вообще же, что-то есть старокитайско-старояпонское в её пейзажно-природных зарисовках, вплоть до манеры их называть: «В январе стою посреди горного озера» или «Разглядываю узоры высоких замороженных волн».

И тем страннее вдруг натолкнуться на любовь к стихам и образу Марины Цветаевой:

Я над музыкой не плачу,
не пишу баллад и писем,
день мой прост и независим,
и душа моя легка:
только нищая удача,
значит, чистые заплаты,
непослушный конь крылатый
и *Маринина* рука!..

Действительно, странно: столь кроткая и смиренная героиня стихов Рубинской бережно вслушивается в Маринин голос, отвергающий мир сей, экстатически бросающий вызов всему и вся — самой своей жизни, подозреваемой в неподлинности. Всеприятие, то есть приятие своей незаметной в мире доли, с одной стороны, и горделивое бурление страстей, героическое всесуждение, с другой. Благословление медьчайших волн сути в себе и воздымание заведомо разрушительных бурь и циклонов, саморазрушение. Сколь полярные внутренние мелодии, цвета и краски, зовы и сны. Я думаю, не обходится в этом огромном внимании к «Марининой руке» без энергий сострадания к странной и гениальной женской душе, залетевшей в сбитый с фокуса мир, т. е., разумеется, всегда «внутренний мир». Такой таинственный слёт энергетизмов: Басё, Скрябин, Цветаева...

И всё же «Маринина рука», как и Скрябин — это всё же тот «городской мир», что за незримой чертой, ибо губы героини Рубинской прикасаются к другой дудочке — к флейте бесконечного смирения, из которого вырастает бесконечная воля созерцать То, что, абсолютно невообразимое, — здесь, прямо перед нами, в этот уникальный момент. Разуме-

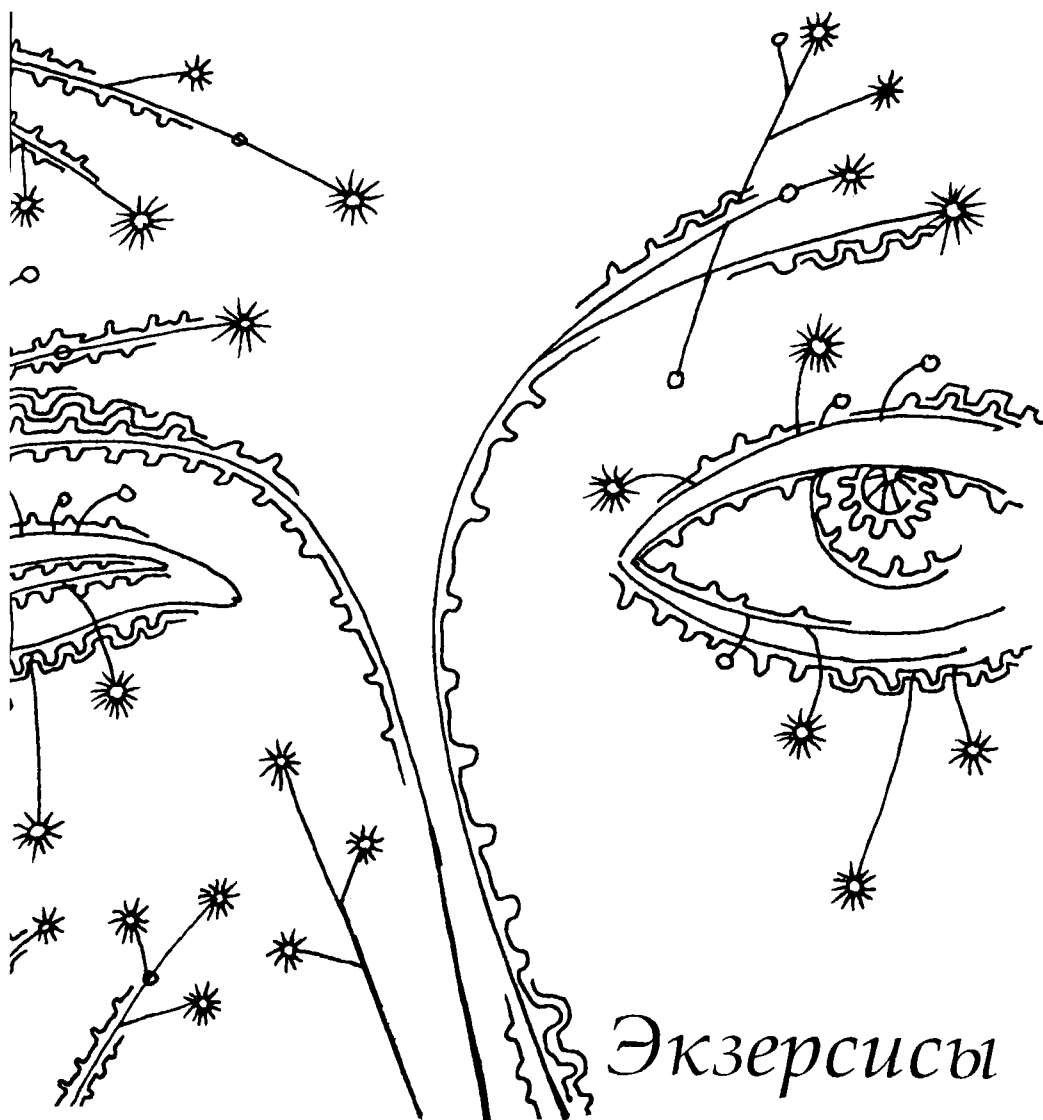
ется, сила нашего дыхания-вдувания весьма конечна, оттого-то конечно и наше смирение и наша воля к созерцанию. Однако здесь важно не то, что мы конечны, а глубинное понимание сути своей конечности и сути своей бесконечности, которая становится ясной, когда прикасаешься к дудочке, край которой уходит в мир, нам неведомый.

Где здесь переход? Мы мало об этом знаем, ибо подлинно знать можно лишь внутренним переживанием, которое, конечно, невыразимо и значит непередаваемо. Но мне вспоминаются слова Новалиса о том, что чем ближе человек или сотворённое им к растению, тем они божественнее. И это чувство растительного первородства ярко присутствует в этой излучающей свой особый свет и цвет книге, что перед нами. Вслушаемся хотя бы вот в эту пьесу:

С воздуха ссыпалась вся позолота,
каждой травинке хватило тепла,
кончилось лето, и осень, бесплодна,
в души растений неслышно сошла.
К нашим жилищам и судьбам со вздохом
некто добавил забытый куплет.
Осень вплотную придвинулась к стёклам,
кутая плечи в коричневый плед.
Сумерки. Ссыпалась вся позолота.
Воздух пустующий сделался густ,
плачут ворота, и жалкая нота
вяжется с ниткой рябиновых бус.

Не человеческая психика, не «внутренний мир» и «переживания» героини здесь существенны, а это почти неисследованное нами чувство нашего блаженного присутствия вблизи *душ растений*, нашего непостижимого отсутствия возле чего-то чрезвычайно важного в себе.

Николай БОЛДЫРЕВ
сентябрь 2004



* * *

*Душа моя оденется в виссон —
ступать лугами из шелков лионских,
не тронутых подковами от конских
земных копыт. Их цокот невесом —
моих лошадок, дыбящих озон
в виду воздушных площадей невзлётных,
где рай клубится, где не терпят плотных,
где мир значительности упразднён.*

Облака плывут

То ли отражение голубей,
красовитых, с рыкающим воркотом,
гукающих, стонущих — и вспорхнутых
в поднебесье — чем вам не сабвей? —

то ли вы, потоки лучезарные,
повторяя белокрылый лёт,
репетируете чей улёт,
ангелят рассаживая парами?..

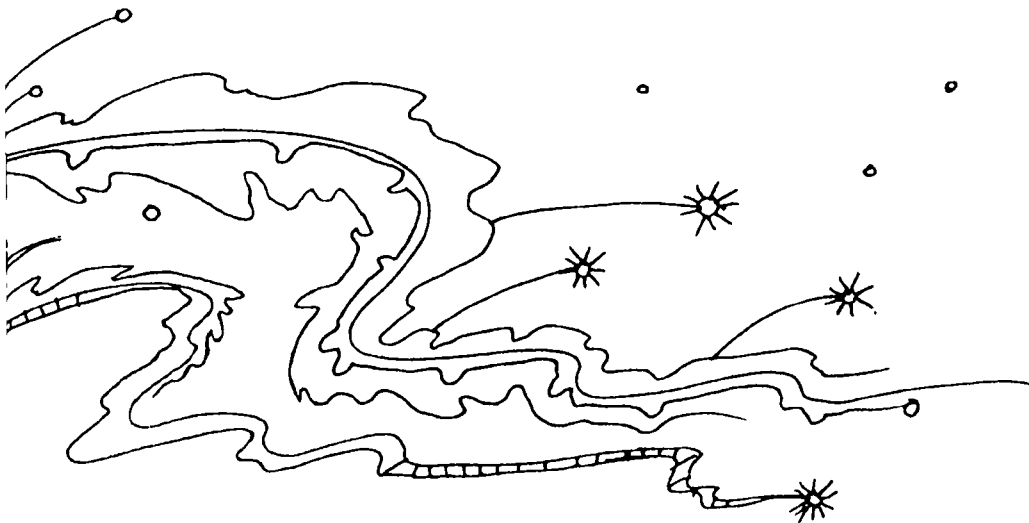


О строительстве ангара на моём берегу

Работников мелькают молотки,
и зной как бы задерживает звуки:
ударов по железу перестуки
слышны уже с подъятием руки.

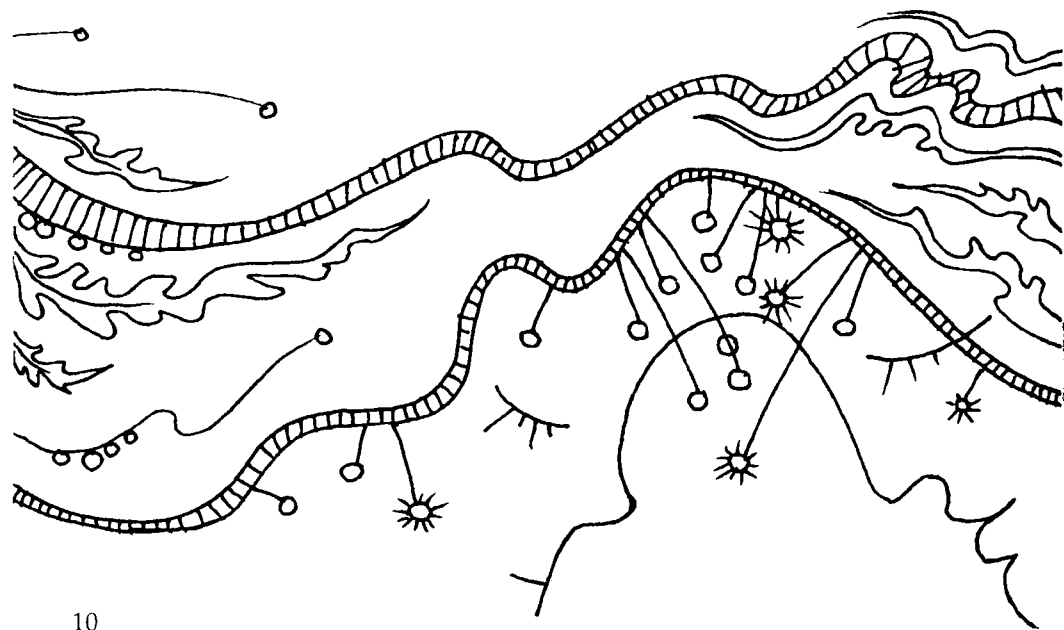
Мне наблюдать инверсию смешно —
железки получают немые,
а лядьки, по-гусачьи выгнув выи,
должно быть, матерятся; как в кино,

не требующем звука. Жесть вдали
почти течёт под воздухом ручьистым.
... Что строят и зачем на воле чистой
в свягом углу беднеющей земли —
знать не хочу.



Дитя на день

Песок, подсыхая, ссыпается с башни,
волна оголяет канал.
О, как это грустно, что то был вчерашний
пленительный день; подгонял
ты воду в запруду руками и... ложкой
(у нас — ни совков, ни лопат!).
На остров вились вдоль канала дорожки
и к озеру каменный спад.
Да здравствует то, что мой друг — созидатель:
придумок и дел — счёту несть!
Подкинул вот крестника нынче Создатель,
пять лет ему только и есть.



Игорю Жукову, играющему Скрябина как я

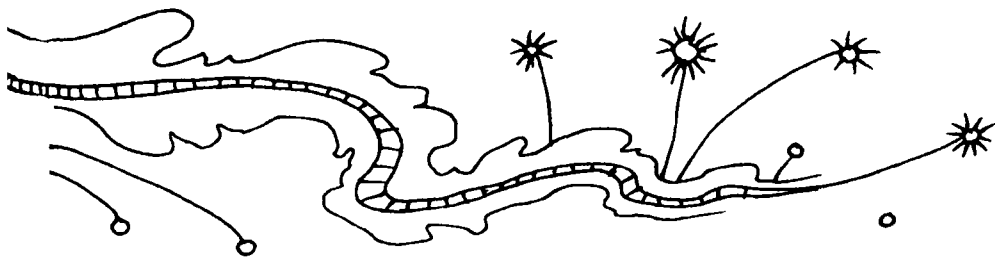
Что, пикейный сухарик, вещун-человечек,
клавиаторный мощный колдун,
для чего столь узки — не подкрылия! — плечи
и над птичьей шеей колтун?

Но прилежные жилные руки огромны:
дровосек, дроворуб, дроволуб,
меднострунного зверя картавые громы
приручи, приструни, приглубь.

На петрушечном личике — ликованье:
победительнейший из тихонь!

Твои взмахи и вздрог, толчки и киванья —
это вздохи вулкана, огонь;
это сцены, пульсация и мерцанье
тонкорунного, хрупкого льда —
твои взлёты и трепет, рывки и касанья,
над роялем сияние лба...

Искусительной силою скомкан и выпит,
искупительной музыкой свят.
Как вы бьёте! — не целясь, зато навывлет —
ты и старший сонатный брат.



Цезура

Ах, какое это счастье —
письма с неба получать,
травки разбирать на масти,
гучи с запада встречать;
уподобясь черепахам,
созерцаньям день раздать
(луг небесный перепахан),
стадом Пастырю воздать.

С утра за роялем

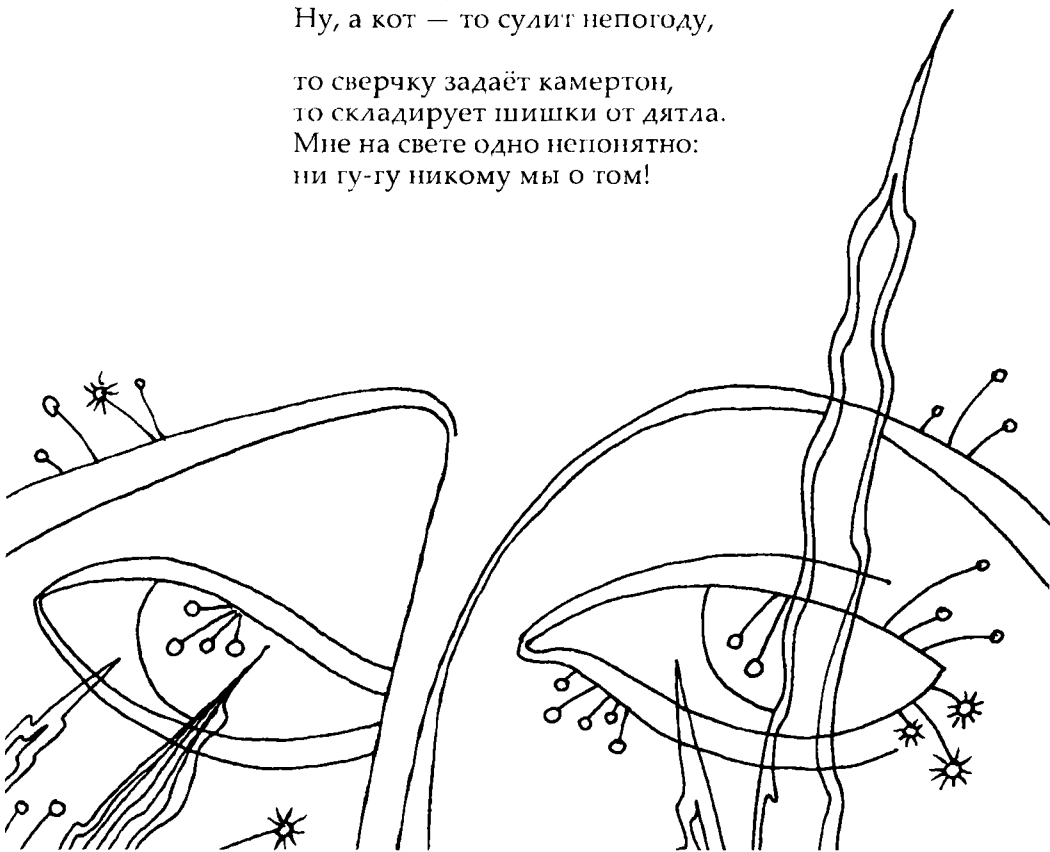
Вот и апреля вышел срок.
Он просто вырос и, раскован,
весенним телом бестолковым
суётся между нотных строк,
трёт о хребет рояля панты,
дурачась, принуждает лад
переиначить невпопад
у разгулявшейся куранты,
стирает траурный квадрат
на прошлогодних некрологах
и проясняет самый строгий
лик отраженьем альборад.

Тихим летом

Я — колдунья с певучим котом,
в перелеске живу приозёрном,
под реликтовой кроной узорной,
не тужа ни о чём, ни о ком.

Не горюю, мечтаю, не сплю;
с тем, кого так люблю, по полгода
не выдаюсь, почти не люблю...
Ну, а кот — то сулит непогоду,

то сверчку задаёт камертон,
то складировать шишки от дятла.
Мне на свете одно непонятно:
ни гу-гу никому мы о том!



Охотник на пленэре

Когда мой Кот вниз головою
идёт по крыше голубой,
его не хвалим мы с тобою:
вдруг ловкость лапочек даст сбой?

Причудливая тень пантерья,
вписавшись мастерски в витраж,
дворовый рай даря доверьем,
в дворцовый обратит мираж.

Оставим взоры смотровые!
Через прозрачный сурик крыш,
бойцовски напружинив выю,
Кот в борщ пикирует, как стриж.



Экзерсисы

Говорит цветочек бедный:
«Не срывайте вы меня!
Для чего вам я, столь бледный
в лучезарном блеске дня?»

* * *

Дождь зачастил. Мы, слава Богу, дома.
Не серный и не огненный пока.
Как той, изъела соль мои бока.
И, Лот, избегнем казни ли Содома?

* * *

Воспою морщинистые камни,
маскулинность их мускулатур:
словно огромный старый тур
греет обочь древа сон свой давний.

* * *

Что делает кузнечик?
На солнышке живёт,
ножонкою стрекочет,
травиночку жуёт.

* * *

Льнянка нежно доживает
жизни праздничный кусок,
а крапивница живая
пьёт её лечебный сок.

* * *

Обрили царевен, убили,
а всё улыбались, как мы:
ведь Бога они не забыли
в предвестии гибельной тьмы.

* * *

Марину я пережила.
Хоть толику бы в этом толку!
Ах, ведать бы, когда умолкну,
так веселее б зажила!

* * *

Кого-то завидишь — поманишь
из хатки приветной рукой.
Словечко сама себе скажешь —
как если бы друг дорогой.

* * *

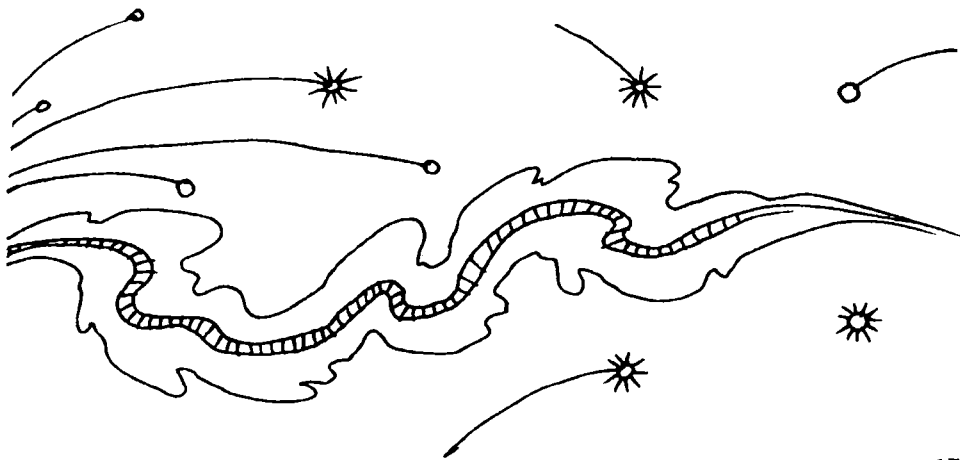
Страсть соловьёв — колибри жизни,
чьим целованиям несть конца,
не угрызаясь укоризной,
подглядывала днесь с крыльца.

* * *

Слезинка каждая — где льды
за день оттаяли немного —
дыханьем влажным молодым,
как Атман, раскрывает Бога.

* * *

На пиршество вечерних солнц
уже не поспеваю. Снова
закат, минуя горный лес,
свершает свой балет ледовый.



Тимофею

Живу на лунном берегу
среди цветов и трав,
молчу великую тугу
о том, кто так не прав.

Не буду плакать — стану петь
на лопнувшей струне,
с любовью на тебя смотреть,
пусть ты в другой стране.

Словечко о добром соседе

Говорят мне, что не отдыхаю:
приезжаю в отпуск — и стираю,
мою, чищу, драю, колочу,
пол мету полынью — дух лечу.

Для чего ж тогда мои закаты,
скал граниты розовые — латы
нежного возлюбленного леса?
Для чего левкой в сердце лета?

Кто-то в медитации впадает.
Кто — колодец вырыл, как Одаев:
ренессанса русского не ждёт —
он своей водицы нам даёт.

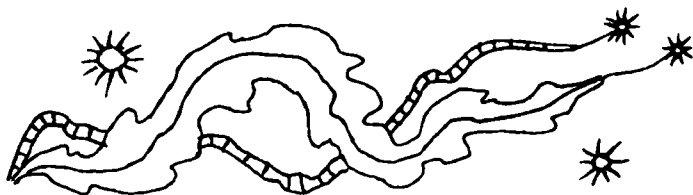
Словечко о милом Луи

Не знаю, как быть, от усталости сердце лечу
цветистой травой в розовато-сиреневой дымке,
нисколько, никак не умею побыть невидимкой —
проведывать милых заглазно, подобно лучу.

Стучусь по домам. Где покормят, чтоб слаще был сон?
Вон козу доят — ах, не ту же ли, впрочем, ослицу,
успешно родные *тогда* заместившую лица,
когда с нею некогда странствовал Стивенсон?..

Музыке

Предаст тебя смычку искусный ферт.
Раструб извергнет в алчущий концерт.
А ты ликуй на листьев языке,
свети, лети с сиянием в руке.
А ты, любимая, в слезах и на гвоздях —
лети, роняя искры и звездась.



Эскизы к осени

1

Не я шушу, а осень-госпожа,
своим распоряжаясь жёлтым коштом,
шекочет слух шептанием о прошлом —
когда шершавой не была межа,
и вострые занозки колосков
и репешки за платье не цеплялись,
не выпадал вместо росы стеклярус,
подобный ртутным шарикам.

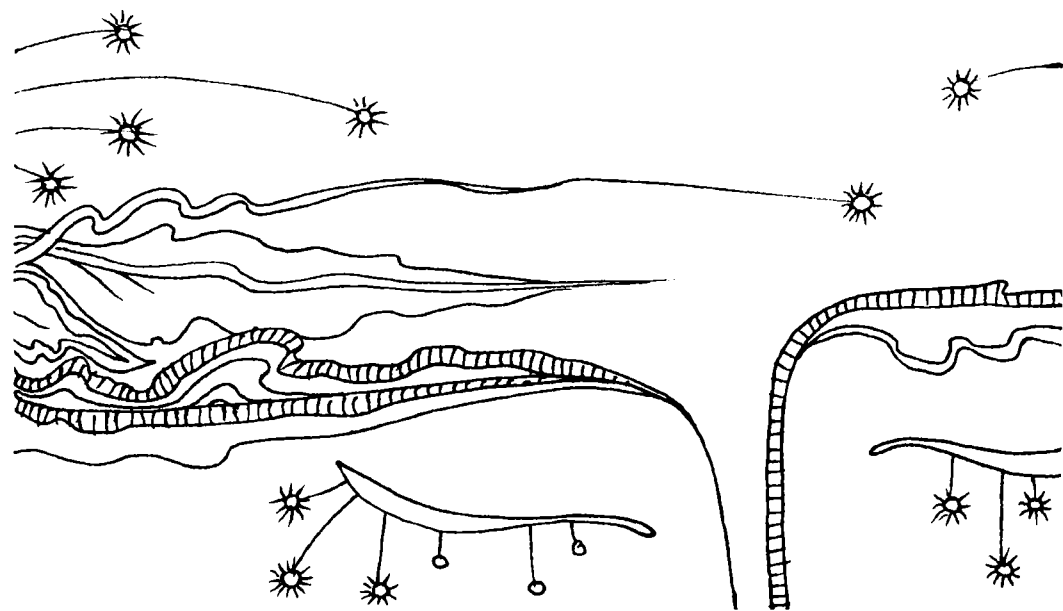
Таков

план времени.

2

С воздуха сыпалась вся позолота,
каждой травинке хватило тепла,
кончилось лето, и осень, бесплотна,
в души растений неслышно сошла.
К нашим жилищам и судьбам со вздохом
некто добавил забытый куплет.
Осень вплотную придвинулась к стёклам,
кутая плечи в коричневый плед.
Сумерки. Сыпалась вся позолота.
Воздух пустующий сделался густ,
плачут ворота, и жалкая нота
вяжется с ниткой рябиновых бус.

Так человек сбегается с огнём:
кладёт костёр в порядке геометра,
для печки заготавливает щедро
сосну с берёзой. Жжёт дрова и днём,
когда туманы рекют сплошняком
и крыши дымом облегают плавно,
огонь обносит жизни смыслом главным.
Он — заместитель; солнцем в нас влеком
к нам.



Плач

Эта маленькая жизнь
стала маленькому лишней —
кровь его, как сок из вишней,
сдвинула шоссе режим.

Он котёнок был всего-то
белый, кроткий и ничей.
Не хватило кирпичей —
укокошили Тойотой.

А вчера мурлыкал мне
он, вообще-то молчаливый.
А сегодня, несчастливый,
мною погребён. Зане

аз есмь.

* * *

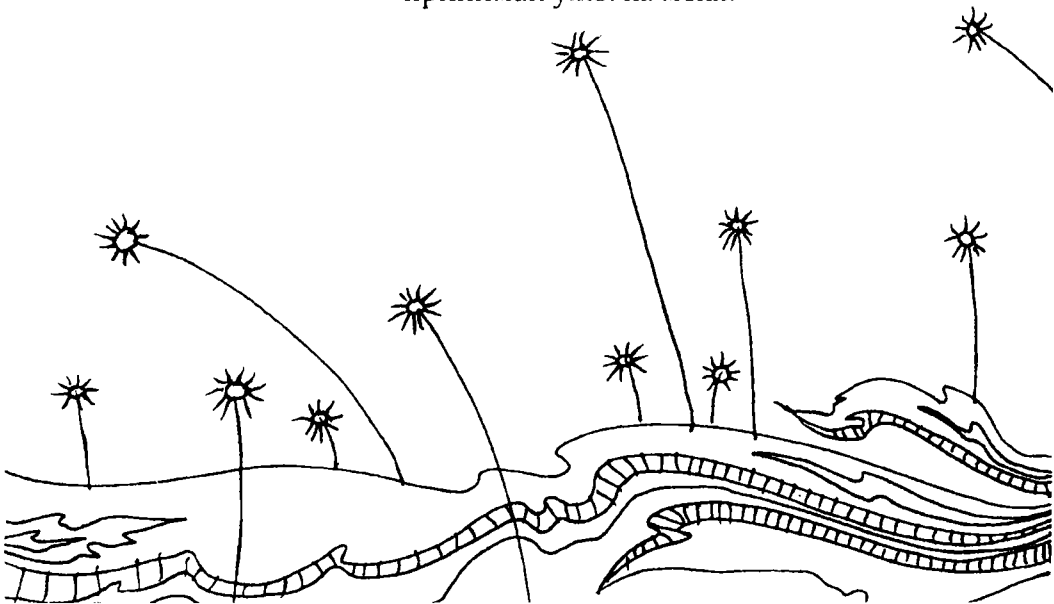
То ли гриб, то ли улитка
смотрит в нас из-под пенька!
Жизнестойкости улика,
Божья нежная рука.

Смотрит лето на покатый
берег: редеют деревья,
у природы час закатный,
скоро-скоро Покрова.

* * *

Не моя ли уж очередь? —
Всех подбирают теперь.
Сокращается время,
для сроков земных припасённое.
Вон и чайка залётная,
вдруг просверкнувшая в дверь,
от души моей чадной
торопится к озеру сонному.

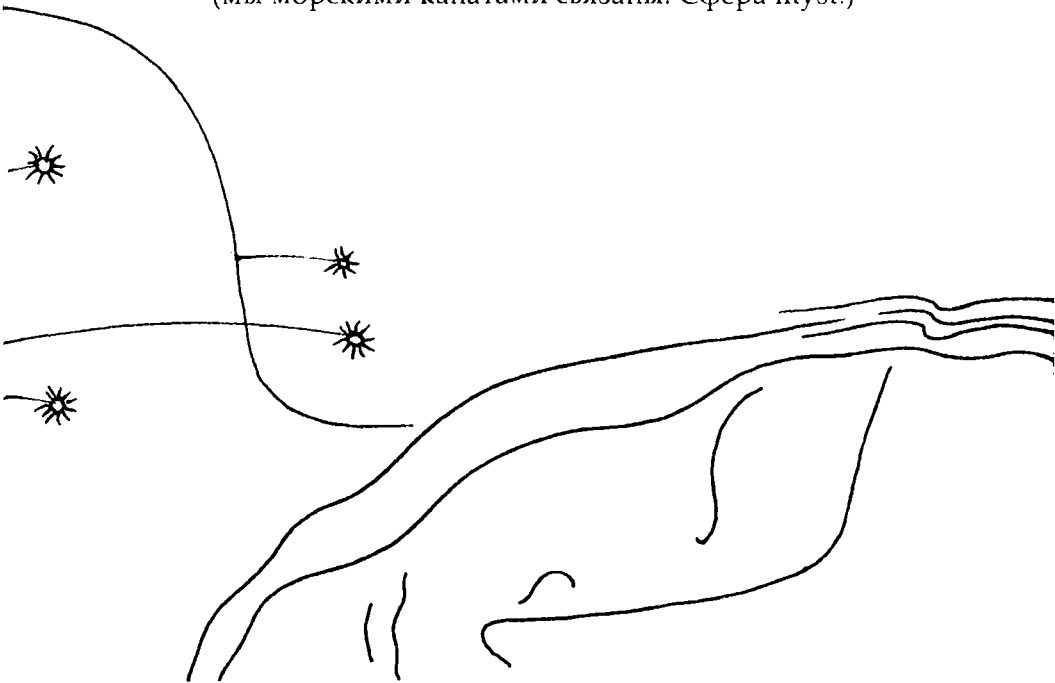
Затянулись хмарами север с востоком и юг,
только запад простильный
шлёт луч тишине спокляемой...
Уходить привыкай,
удаляясь от местных услуг!
А ты, родина верхняя,
принимай ужо: на́ меня!



* * *

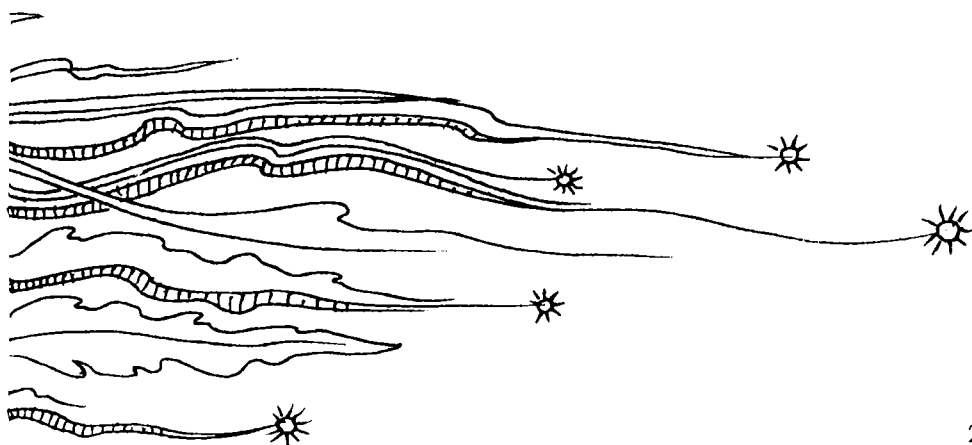
А. Кубрику

Одиночества, словно неряшества вытертый твид,
жалок почерк среди чужих да и гадов вид,
будто ты не женщина славная, а отшельник-гриф,
мёртвой хваткою оседлавший скалистый риф
(ему тошно уже давно от крутых ловить,
озирающему родового ландшафта суровый вид):
так и ты оттачиваешь коготь, и клюв, и глаз —
только чтобы спасти, а не на жертву напасть!
Мы приходим сюда, чтобы тех оберечь — одних,
чтоб не смерти бояться, а стыдиться уйти от них,
чтоб дрожать за них, как забытый осенью лист
(мы морскими канатами связаны. Сфера myst.)



**Зимний поход к острову Чайка на Тургояке
в честь сотого дня рождения моей бабушки
Валентины, случившийся 1 февраля 2003 года**

Я тоже остров, тот, куда стремилась,
плывя по снежным розовым волнам.
Мне явлена сегодня Божья милость:
так поклонилась крупным валунам,
корам берёз, светящимся во глыбких
напластованьях льдов праголубых,
что щедрая Ярилина улыбка
накрыла нас, из туч себя добыв, —
два острова седых.



* * *

Горы скрылися горами,
остров щёточкой торчит,
в Поднебесной панораме
утонул небесный вид.
Рыбачки над лункой чёрной
остужают свой кураж.
«Бросьте отдых свой упорный! —
им кричу, как рыбий страж. —
Бросьте бур и с дыркой ложки,
разбегайтесь домой,
чебак-окунь, вся рыбёшка,
синей пусть поспят зимой!»

* * *

О Господи! Каких ещё красот
Ты для меня, любя, не пожалеешь?
Твоя фиалка я, и Твой осот,
Ты ветер шлёшь, и Ты лучом лелеешь.
Псалмы Твои и пиканье синиц
равно прелестны и всему пристали.
А сколько у Тебя небесных лиц
и сколько граней, искр в любом кристалле!
Мне ведомо, что Дома, у Тебя
благоуханнее, сиятельней места есть.
Зачем же я, любовь Твою любя,
за жизнь мою земную так цепляюсь?

* * *

Что случилось с птицей памяти моей?
Она из времени выдёргивает перья.
Без крыл останешься! Душа моя, не верь ей!
Всё растеряешь! Прошрое — верней.

А птица совести что вытворяет, а?
Когтит меня железной орлей хваткой:
мол, не собрать бывшего уж порядка.
Геометр? — Слеп. Любовь? — Одна пьета.

В январе стою посреди горного озера

Ужели радуга зимою —
иль облака там столь пестры,
когда по ветряному зною
влачу себя сквозь льдов костры
на дальний берег недоступный,
совсем не тот, где есть причал.

...В стылом руне барашков крупном --
что нам сверкает по ночам?

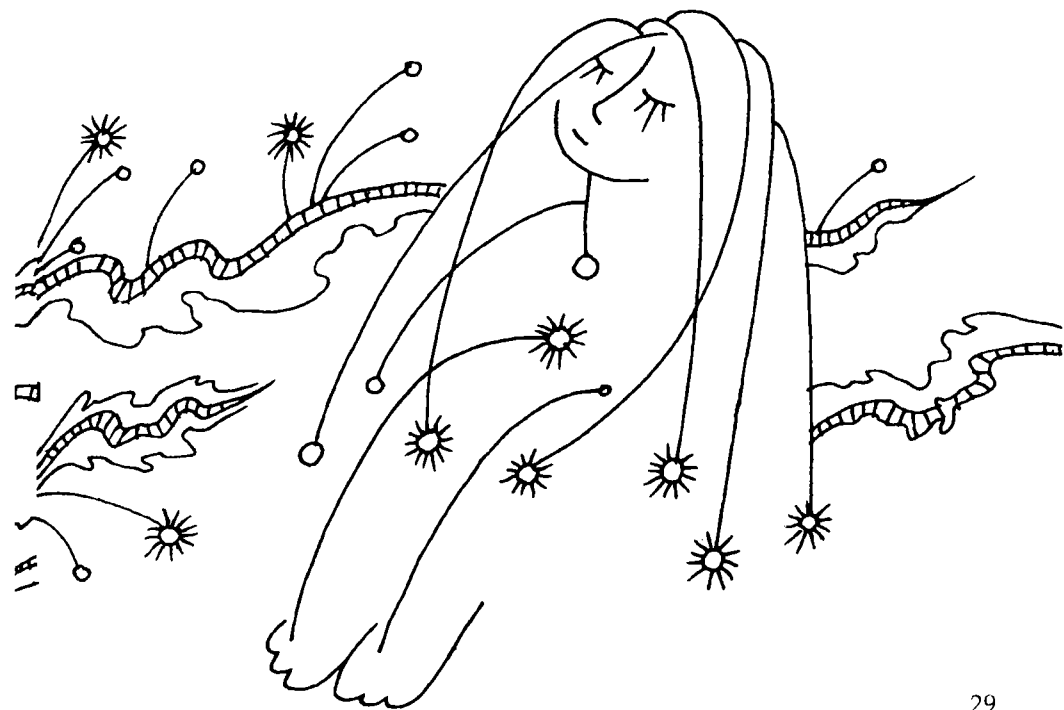
* * *

Рыбаки, по снегам уплывая,
утонули в лиловых дымах.
Диорама зимы, ты живая:
мрачен лес, в капюшоне монах;
оглашая вечернюю зорьку,
ангел в долгий златой трубит горн;
с еле видного берега зовкий
пёсий тенор выводит повтор.



Территория дорогого санатория

Из млы и зги, из снегопада —
некто, подобьем Пугачев.
— Кто здесь живёт?
--- А что вам надо?
— Нет, говори!
— Да нипочём!
— Жируйте! Пляшете над бездной,
буржуи! — Он продолжил путь,
не зная, что я здесь проездом,
Бог день послал мне — отдохнуть.

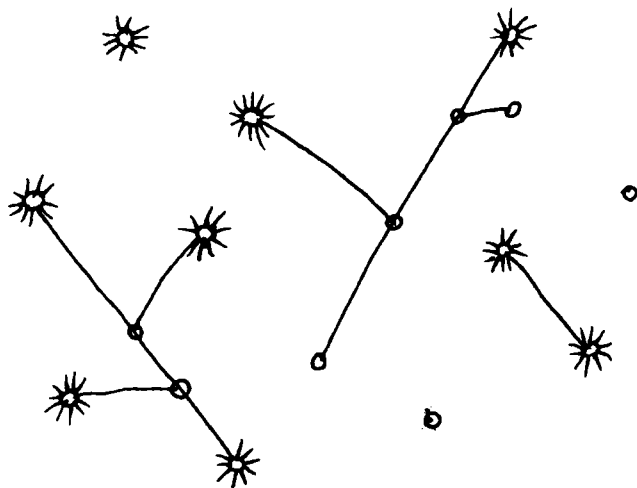


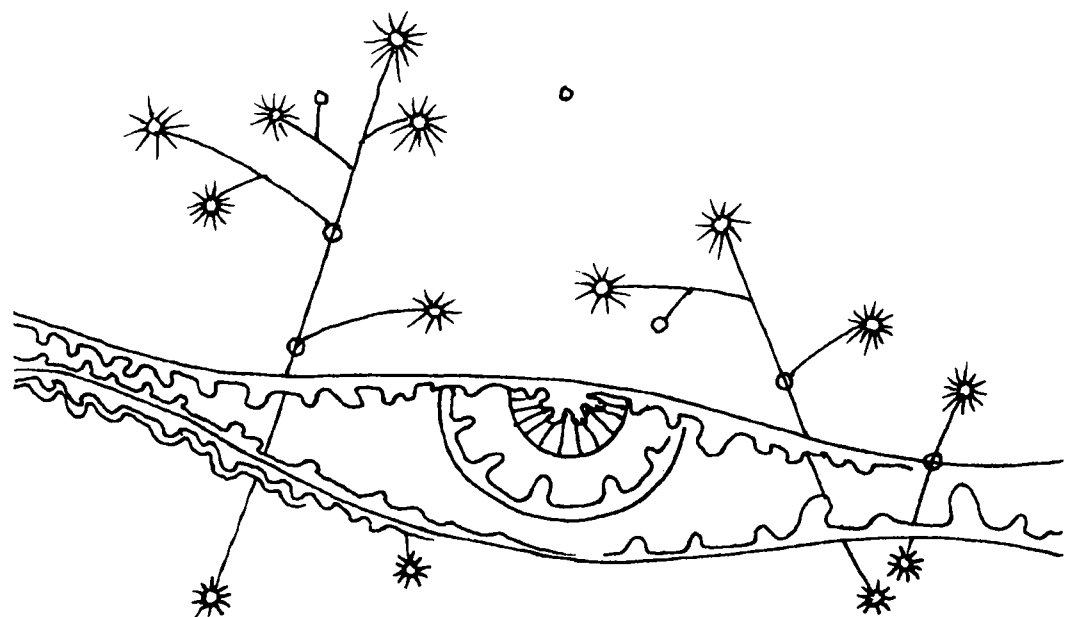
* * *

Разве скоро полетишь,
душенька, родной близнец?
Свет-Наташа станет — гишь,
отдохнёте, наконец!

То-то бродишь по корням,
меж сугробов тропки въёшь —
находилась тут да там:
уж вспорхнёшь, а не пойдёшь!

Что о родненьких грустить,
о любимых? Пусть поют,
длят невидимую нить
вечности, а не минут.





Ирисы в кипарисах

* * *

...А на самом-то деле я живу в Крыму,
в раскалённой, ласкаемой солнцем Алупке,
и в кусту лавровом, дриадном дому,
провожаю сиесту, отдыхая за сутки.

Перед этим, раньём, по косым лучам,
прорезающим зелень, ракушечник, лавки,
я бегу, каучуком подошв стуча
по каиштанам упавшим, к фруктовым лавкам.

Там пушистые персики и дюшес
пе-ре-крикивают конуса кукурузы охряной,
а вдали за базаром виднеется лес,
где идёт созревание снадобий пряных.

Моей родиной древней гордится не зря
пестротканый, яркий народ караимы.
А нырять там можно аж до декабря,
если вы, разумеется, богохранимы.

* * *

Сон плавает на дне, под потолком,
сочится лампа светом золотушным,
и мне во сне не страшно и не скушно,
и горло не теснит холодный ком.

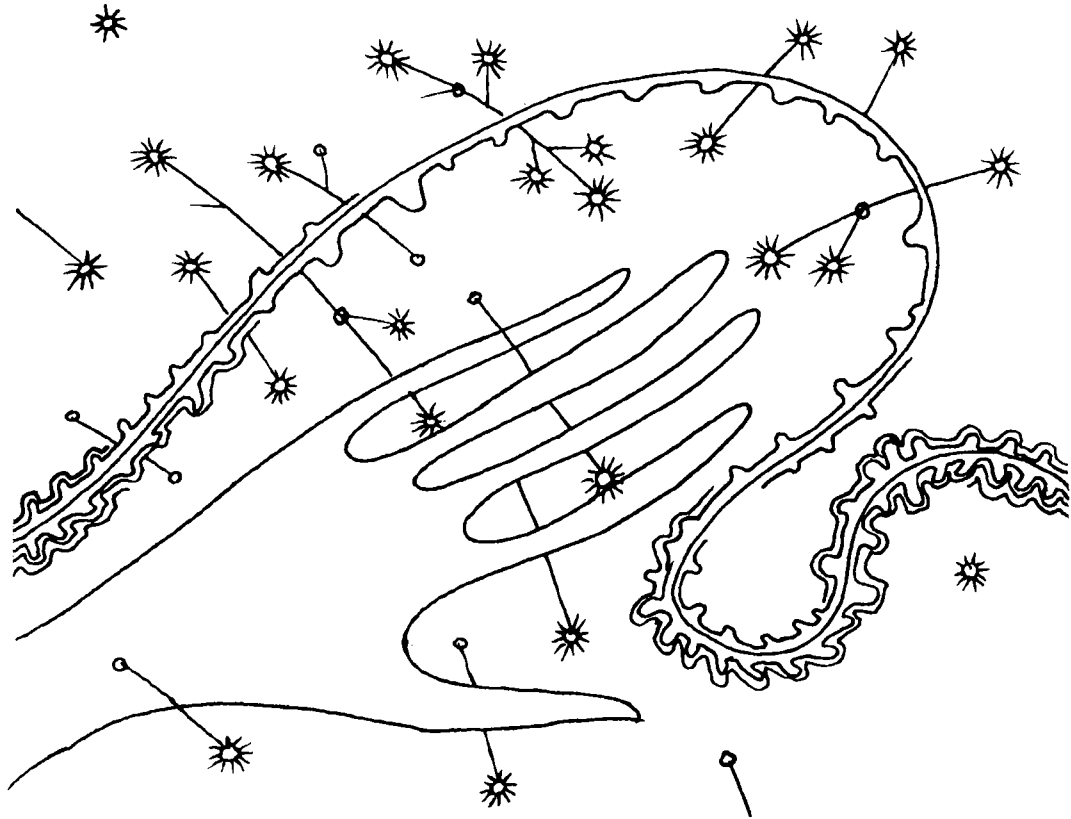
Заброшу музыку, из города уйду,
и сброшу барахло, и в воздух кинусь.
Верхушки сосен раздирают спину
за то, что я не их держу в виду,

а только встречу плывущую звезду.

* * *

Простите, фройляйн Смерть, не успеваю.
Вы столь проворны — не угнаться, мню.
Поспешность не ко времени, и Вам ли
бежать, уподобляясь пацанью?

Понятливость моя — о, несомненна:
я вслед ползком, Вы — рысью на коне.
Спешу, лечу к Вам — присно, ношью, дню,
ну подождите, дайте руку мне!



Лёгкий закон

Свидание — это эпиграф к разлуке.
Глазастая лирика прячется в буке.
Сверчок несуразно прекрасно поёт.
Ребристые страхи поджали живот.

Ребристые радости выперли брюхом.
Спасённая музыка прядает слухом.
Живёт, сумасшедшая, шумно дыша.
Реальная сплошь душа.

А я не дыша выживаю в концерте.
Порой помертвею на чьей-то игре.
Но вовремя вспомню о смерти.
И вострепнусь гореть.

Хотя все свидания — это разлука.
И лирик вмурован в бетонного буку.
Но громко сверчок живёт.
И радость как рожь растёт.

Жестокий роман-с

В лесу повстречался с другом,
он в щёгольских синих штанах,
и в хате — сказал — ждёт подруга:
«А я и не пел, что монах».

Так други от нас отпадают,
уж больно узорчат ремень...
Пойду, даст воды мне Одаев,
и много окрест деревень.

Поэту № N

Этот малый ужасный Пьеро
с чёлкой пепельной и печальной.
Он с усилием поднимает перо,
чтобы странные рифмы звучали.
Скорбно носит на ляжках худых
он расплющенные джинсы
и слагает прекрасные стансы,
только некому праздновать их.



Его Пьеретте

А может быть, мы вовсе не живём
и не жили, а, рыжая Пьеретта,
но принимаем сцену за жильё? —
Ведь музыка-то — откровенный флирт
отчаянья с надеждой.

А может быть, мы, крошка Коломбина,
совсем иных достигли берегов,
без усталости кривляясь на подмостках? —
Ведь публика-то жаждет не победы
добра над злом, но мести.

А может быть, и музыка мертва?
Пьеро был распят ровно столько раз,
что музыка всех на земле людей
должна рыдать и хоронить его,
но мир хранит порядок.

И ты права утешившись, Пьеретта:
на Арлекине новый воротник.
Люби его. Театр верней, чем жизнь.
Пусть музыка от смерти не спасает —
она отлично жёт.

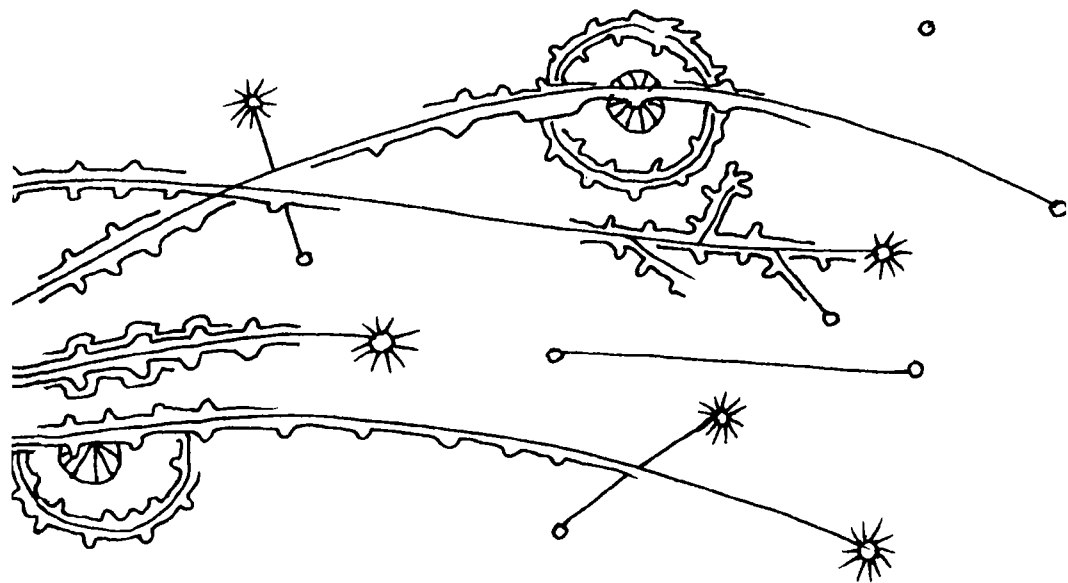


Житейское

Собачку ласково журят.
Она отверзла пасть ужасну:
там содержался скальный ряд
клыков в сверкании прекрасном.

А днесь собачка родила.
Её кутяток утопили,
за денны взявшись дела,
взглянуть ей в очи позабыли.

Кому и с кем, промеж судеб,
устраивать счета зверины?
Горячей бытности вертеп
отперт для дел необозримых.



Портрет поэта в белой тунике

А ведь малый греко-римский
с погребальной пелены
так болезненно знаком мне,
словно знаменный распев.

Век второй и эра наша,
и Гераклеополь-град:
только египтянин вряд ли
в нём привлёк бы днесь меня.

Правь он хоть и в старых Фивах,
будь каирский дипломат,
только юноша болезный
по-другому стал мне мил.

Горечь. Кудри. Безнадёга.
Свиток в вянущих руках.
То в оазисе Фаюме
древний Пушкин помирал.



Ирисы в кипарисах

На крымском кладбище высоком
в ракушечниковом песке
растёт, налившись спелым соком,
цвет, где звезда блестит в доске.

Подобен дикой орхидее
на стебле жилистом пустом
бутон, на каждый день недели —
свой, завитой крутым винтом.

Пройдёт, быть может, час — прикован,
увидит, кто бессменно ждал,
костёр лиловый лепестковый
с шмелём внутри — не опоздал!

Стрижи, цикады, придыханье
туй, пёстрых птиц блаженный стон,
когда, с шиповником в кармане,
шоссе миную и каньон,

сквозь плети сизой ежевики
бреду с мечтой о стариках,
чьи в ирисах светлели лики,
чей облик проступал сквозь прах.

О любви к музыке

Угрюмый мальчик, певчий Шуберт,
когда ты вырасти успел?
Теперь тебя красotka сгубит...
Зачем ты к фортепьянам сел?
Какая Мельничиха к чёрту?
Куда заводит Зимний путь?
Слыл ветреным — как раз и мёртвый.
Был нищ — схоронят как-нибудь.
«Мой маленький, приедь скорее,
у нас на мельнице июль,
я от безделия дурею,
повесила на окна тюль
и лютю повязала лентой,
крестьяне собирают хмель,
ты вспоминаешь ли апрель,
пришли мне песенку про лето!»
— Слыхали? Этот малый Шуберт
переседает всех обжор!
— Да нет же, он транжир и любит
примерно выпить. — Экий вздор!
Весёлой музыкой, куплетом
девчонке платит он за *это*.
Да что там: гений, дурачок,
шатун, счастливчик и сачок!

...Зачем ты в городе в июле?
Грустишь, печалишь Гретхен взор?

Какой скрипучий венский стулик!
Какой блаженный ля мажор!

В краю света

Странною иду дорогой:
справа лес, а слева дол.
Повилика-недотрога
обочь свой свивает дом.

Я несу в стекле промытом
белу сладость для питья.
Дождик сеется сквозь сито
сосен и мово житья.

Отпечалю все надёжи,
все любви отвиню,
чтобы виться бестревожно,
подражаячи вьюну.



Превращения

Олегу Соколову

1

У паучка четыре ручки,
но восемь ножек вместе всех.
Он растопырил их и быстро
гребёт по комнате пустой.
Блеснёт дождейкой в солнце нитка —
и встал на лапки человек.

2

Горделивцу в зябкой жизни
трудно будет ночевать.
Он возни сухой боится,
перестанет слышать сны.
Из мышинного застенка
выйди лучше под луну.
Там бузинные сквозные
зеленеют вензеля.

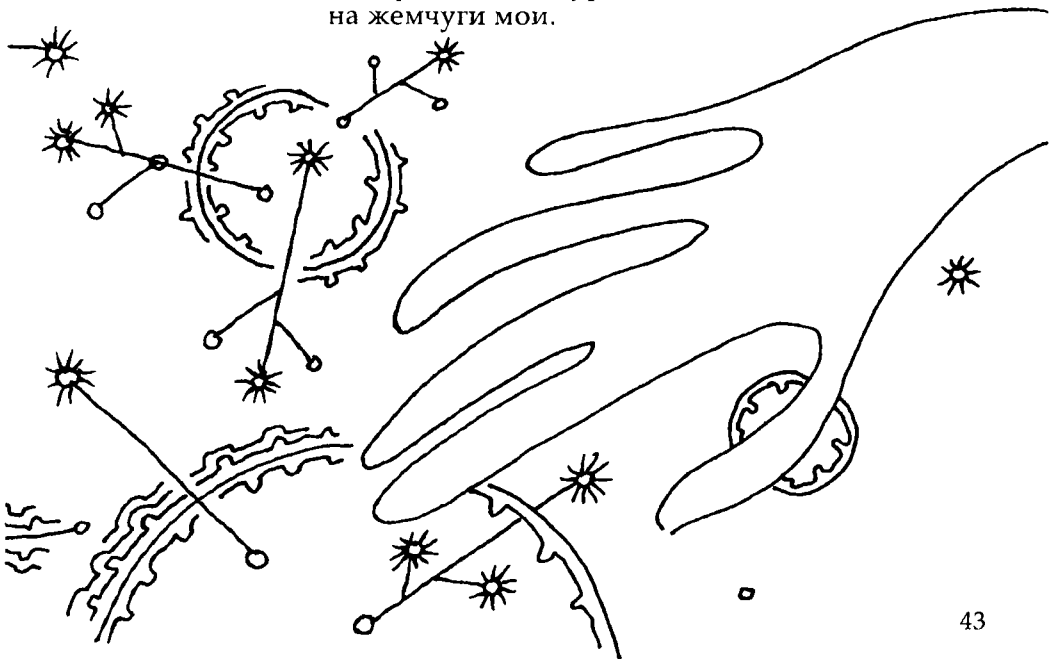


* * *

Сижу в избушке малой,
гляжу, как шелестит
норд-ост ветлой усталой
под скрипочный мотив.

Подскрипывают ставень,
и сосен балдахин,
и всех деревьев суставы —
осиновый, ольхин...

Разбита область облак
на рыбы чешуи,
на горностайи шкурки,
на жемчуги мои.



Стихи, написанные в праздник Преображения

Кувшин из грубодутого стекла
вдруг принялся за коллекционерство!
Наоборотное однако же. Чудно:
он копит цвет, чтоб тут же расточать.
Но нынче что он за игру затеял?
Ну, ладно, солнце, или гобелен
малиновых на западе закатов!
А то вдруг на мой лес напал циклон,
и дождь по тёмным брёвнам натекает
на стёклышки окна, на подоконник,
на спелую — ой, перезреть успела! —
попынь, суёт в кибитку мне плоды
рябины с заскорузлыми ветвями...
От них? — стекло сверкает, как хрусталь,
и в колбе расширяются оттенки
оранжевого. Тут же пиала.
Я убрала её. Огонь остался.
А синее пронзительно откель?
Небес не видно, из огрузлых туч
лишь серым разрисовывает местность.

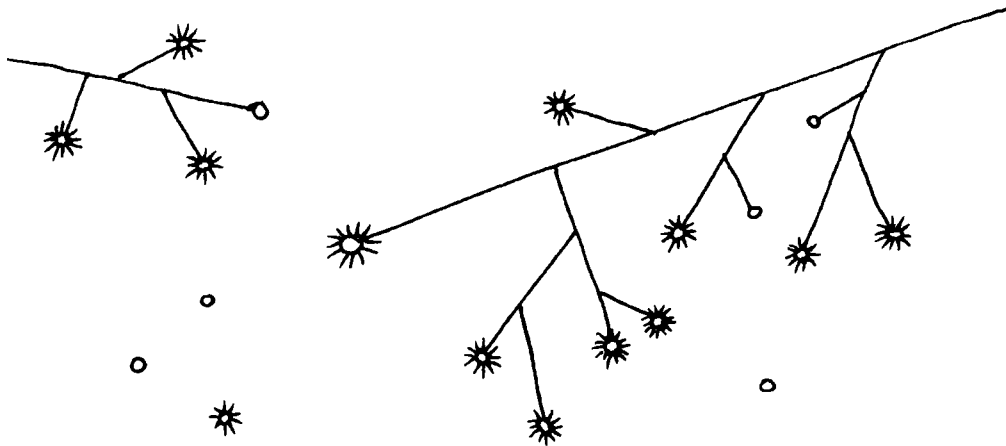
О чём же ты, стекло? Ну, хорошо:
наполнено колодцыной водою —
ты празднуешь. Ну, дважды хорошо:
впустило в птичье горлышко рябину.

И трижды хорошо. Я поняла.
Жила Тамара в крепости из роз.
А мой весёлый дом — дворец из сосен,
и звонче даже — замок из ольхи
и цитадель из спорыша и пижмы.
А главное — со мной теперь играет
и превращает свет в цвета — стекло.



Монета, и кувшин, и небесный порядок

Нет, прошлое не мучает меня!
Нет, прошлое не убывает в Лету.
Вселенские причины теребя,
я, следствие прожитого, любя,
вдруг отыщу, подбросивши монету,
в свободе милой, в Будущем. Для света
ни звёзды, ни луна мне не нужны.
События во мне отражены,
как в настоящем — бывшее. Я линза:
былой любви словив зенитный луч,
теперешнюю радость из-за туч
достану и в грядущее забрызну.
Так мой кувшин стеклянный на окне,
взяв в фокус солнце в пролетевшем дне,
в ночных тишинах искры остро мечет
оранжевые, синие, чёт-нечет,
мой концентрат дневных лучей — луне
невыпавшей в укор, *мне сердце лечит.*



Целотонная гамма

Это я ли в избушке на некоем году
между мяток-мелиссов лежу?
По прохладной траве вдругорядь побреду,
в колосков попадаю между.

Про красивые ножки пропел мне сосед,
эти ножки болят, но бегут.
А по озеру вон разливается свет,
облака да туманы текут.

Но, пожалуй, зарницы всего веселей
и светлей отражаются в ней —
блескозлатой слюде, лиловатой воде —
родников да колодцев ценней.

Разгребёшь тишину, не спеша поплывёшь,
молчаливая ночка с тобой,
волны сладкие пьёшь, звёзд баюкаешь дрожь,
веки в ласковый прячешь прибой.

Это я, это я на песках золотых
так прекрасно и долго живу.
Разбросав по воде невесомый летых,
лето клонит себя ко жнивью.

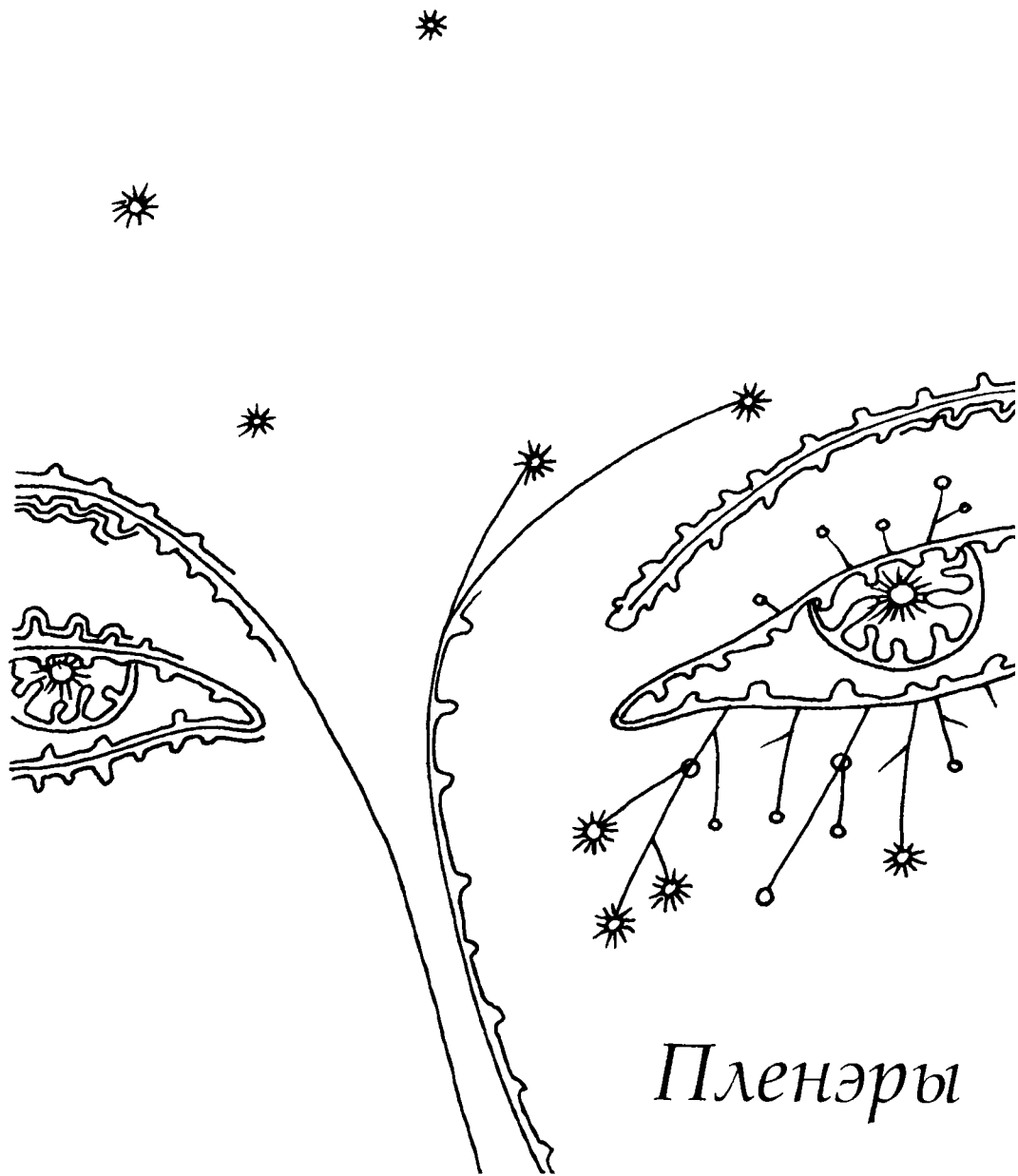
Стретта

Я разучаюсь говорить,
я становлюсь почти растением,
чтоб можно пчёлам с звонким пеньем
тайны судеб во мне творить.

Превозношу лишь умолчанье,
я в красном панцыре жучок,
мой век до утра дотечёт,
а там растаю в океане

меж вод и воздушных. Я — слёт
пыльцы сквозь пальцы конопляны,
и вздрогни росок на поляне,
и свет, что к ним звезда зашлёт.





Пленэры

Конец сентября

1

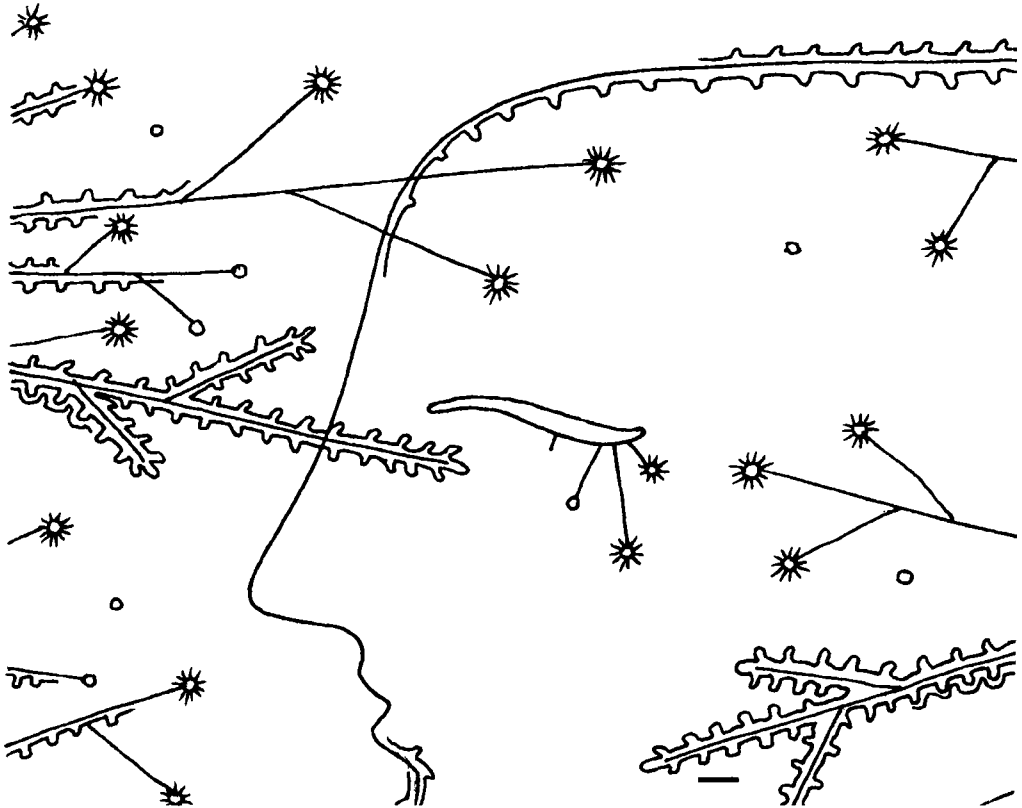
*Я от вас ухожу, золотая вода,
хотя так и не знаю, где кончается небо,
и где вы разбросали свои невода,
уловители зорь, чей покой столь целебен?*

*Широченные реки у земель дорогих —
травяных, ивяных, тополиных, пихтовых
и рябиновых — о, как горчает мой стих!
Как растёт тишина рядом с ритмом подковок,
извлекающих цокот из воздушных пустот
(так — художник из тюбика киноварь и белила),
и как нынешний день из прошедших растёт —
этот рай воспою, чтоб в грядущем любила.*

2

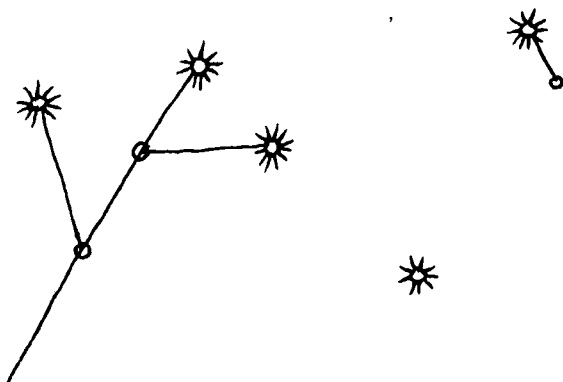
*Лето наскоро переходит в зиму,
августейший сентябрь с виноградами трав.
Птицы снова хлопчут, забыв, что казнимы
тем, кто в ранге природы не бывает не прав.
Ельник, шубы узорчатой не снимая,
колыбелит младенцев своих под трезвон
колокольцев последних, мотыльковых приманок;
солнце в Нязе полощет осенний сезон.
Лето катит с холмов созревающий полдень —
волн ряблящих дотронувшись, прянет, замрёт...
Это Южный Урал. Он захочет запомнить:
вон, художник стоит над игралищем вод.*

Ты скажешь: Сыростан, но я иное чудо
познала днесь, зовут Нязепетровск.
В пихтовниках густых душой теперь пребуду,
где — вдаль гляди — стогов покатый лоск
облитошь солнцем празднует, просясь в наброски,
творимые усердной детворой.
Кругом снуют стрекозы, пляшут оски:
сентябрь разбросил жар свой даровой.



В репетитории

Мальчик: алая рубашка,
прутик шеи, свитерок,
носик, усики, замашки,
танцевальный вечерок...
Но как держит он валторну
в пальцах, слабеньких пока!
Как она ему покорна,
как, тяжёлая, легка.
Он в её витые недра
сквозь серебряный мундштук
долгим, вольным гулом ветра
лёт и цедит влажный звук.
Выдох эха грудной, горный,
горна лагерного зов,
засурдиненный, покорный,
скорбный голос у низов...
— Что ты сделал с нами, властный
глухой мальчик молодой?
— Я надраил медный раструб
у валторны золотой.



Мои ноябри

1

От звука устала,
от слова устала.
Душа на музыку
ответ перестала
давать. Это сумерки
летнего тела.
Любовь ко вселенной
во мне охладела.

2

Есть летний свет, а вот уж свет осенний.
Без модуляций страшен переход!
Вчера цвели цикорий и репейник,
сегодня перелеска тетрахорд —
камеи скал, холм синий, красный, жёлтый,
всё тонет в полутенях донной мглы.
Прохладный дух флористики дефолтом
нисходит в дол, где дольше не смогли
мы жить.

3

Сентябрь доцвела
и октябрь долистала,
зеленая — жёлтую
осень достала.
Но смялись последние
стебли недели,
ноябрьские дни
и листья отлетели.

Погода белая, как снег,
однажды город осияла,
и нежность души обуяла,
и тут настал покой для всех.

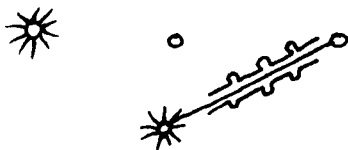
Прозрачных батиков цветы
в подвале милом оказались,
и музы в цвете сочетались,
и люди стали все на «ты».

После

Как хорошо, что можно жить теперь
без горестных забот и опасенья,
что редкий гость нагрянет в воскресенье,
а ты ему не отпираешь дверь.

Как хорошо, что ныне можно жить
и проще, и подробнее, чем летом,
не сожалеть о дружбе без ответа,
а на умерших листьях ворожить.

И, кажется, не помнить ни о ком.
Но вздрагивать, коснувшись бедных клавиш.
О музыка, и ты меня оставишь
там, где зима и дышится легко.



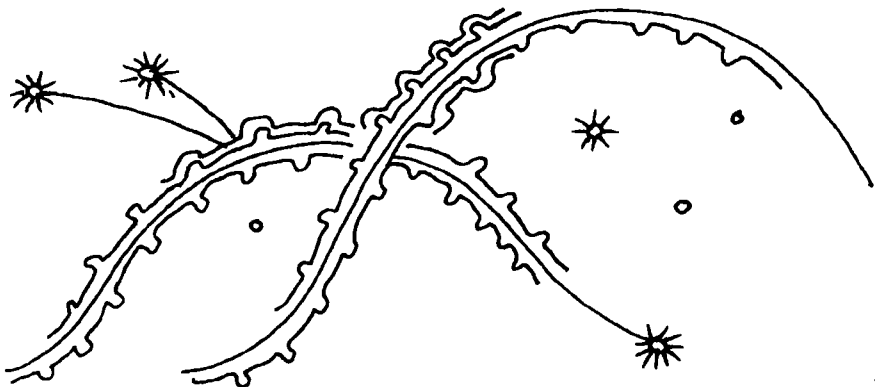
Март на Тургойке

А сегодня среда, я должна быть на редсовете,
на концерте и в разных художественных кругах,
но я с солнцем целуюсь, единственностью на свете
и естественностью в сосново-лиственничных берегах.

Ты же видишь: весна, траектории сил сменились,
скоро углую удочку вытеснят алчные невода.
Ах, на всей высоте-долготе, до небушка Божья милость
разрешает нам, грешным, вдыхать Себя, приходя сюда.

* * *

Уже март, и корочки льда, кружком кружась,
с юго-запада совершенствуют свой гипюр.
Кто не верит — прибегайте к озеру, где шатаюсь
в вековечном поиске клада: рубин и сапфир
мне, как русской Сапфе, подаются с неба, все искры
запечатав в сверкание амфор, и витражи
в сталагмитах волны отлив, и просыпав монисты
льдинок звёздчатых... А на дне, дремлет, лето лежит.



Про брата Петрушку, жившего в Австрии

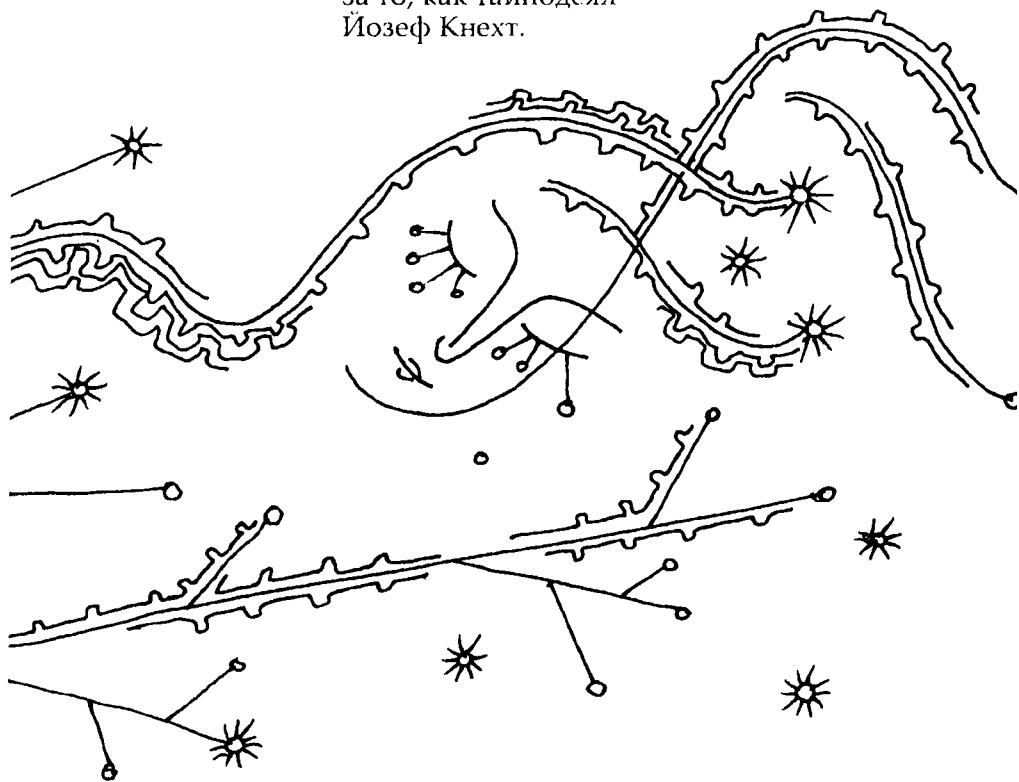
«Формула не подыскана».
Аберт о Моцарте

Слободку б клоунов
создать для тех —
серьёзных, кто персоны
и артисты!
Гусельник, лирник...
Ба! ксилофонисты!
Вам так бы нужен
хохмачейский цех!

За музыку цепляясь,
как за хвост
слепой кобылы,
шествующей кругом,
в подземном царстве,
в шахте — не за плугом,
где жаворонка лёт
среброголос,

смешного Моцарта
спасу из тьмы:
в Мангейме и везде
в кармане книгу
всегда носил,
чтобы читать. Не фигу
для униженья прочих,
как все вы.

Итак, за скоморохов!
За аффект!
За Папагено
грубую словесность,
за шаловливый шарм
шутов безвестных,
за то, как тайнодеял
Йозеф Кнехт.



Разглядываю узоры высоких замороженных волн

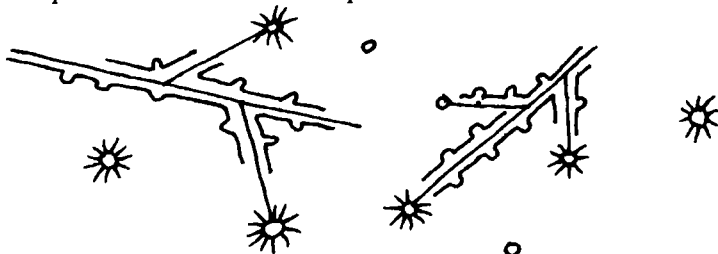
Иероглифы вдутого света,
геометрия водных лавин,
замерзавших из лета в курбетах:
волны дыбом, секунды — до льдин!

Воздух графикой мелкой клубится
в гладких глыбах, кудлатых внутри, —
хохолком дутыша-голубицы,
прописным вензелёчком. Смотри:

голубые прозрачные горки,
повторение волн, виражи
в летней жизни скользнувшей «моторки».
В синем — белые всклень витражи.

* * *

Если в купальне спрячешься — встретишь лето
с песком, травинками, галькой, вышедшими из льда.
Собственно, Тургояк — большая кювета,
сверканьем полная, где зреет большая вода.



Жемчужный полдень, глубокие снега и близость рыси

Здесь покой непривычный стекает,
с облаков на туманы скользя.
Обманула вас, знаю и каюсь:
так инверсию строить нельзя!

То туманы, гуськом возле берега
собираючись, тянутся ввысь!..
Здесь покой так томителен негой,
что, разлѣгшись на хвоях, и рысь

замечает меня без угрозы:
расхрабрись, Натали, не беги!
У неё непричастная поза,
чуть ссыпается снег от ноги...

«Бог мой! *Лапы* у ней! Ты же — пища
повкусней куропатки-сурка!»
Ах, не рыщет подруга, не ищет
погубить ни меня, ни зверка.



* * *

Сосняк вдруг оккупировали дятлы.
Распугивая зайцев и бельчат,
то вскрикнут на наречьи непонятном,
то кузницу открыли — и стучат.
Тяжёлые, гигантские. В полёте
стремительном сшибая с веток снег —
зовёте? восклицаете? поёте?
роняете иронию, а? смех?..
Кому телеграфируете, птицы,
что, мол, душегубителен сей вид
труда. Вгляжусь — трагичны ваши лица:
де Бержерак как будто с них глядит.

* * *

Ах, снег, ты с небом дружен.
Зачем же без ума
на землю мчишь, не нужен, —
простилая зима!

Ты сыплешься, узорчат,
неслышимой волной.
Стройней, ритмичней к ночи
пунктир жемчужный твой.

Свет обтекаешь нежно
в светильников рожках...
Душе прохладной снежной,
теплей тебе в руках

моих?..

* * *

Как будто царю, мне в виньетках скамью
на лёд выносили в метель для восторга —
узреть панораму от запада всю
на север, восток и до юго-востока.
Услышать еще, как причудливо ветер
в минуту меняется, ну-тко, пожди-ка!
Вот только в прибрежных деревьях хрипел,
ломал сухостой, кувыркаючись лихо,
как тут же притихнул, ко льдам прикорнул —
как будто не гневался: дул, а не дулся!..
В следах моих белых котёнком уснул,
но миг! — и в высоком лесу встрепенулся.

* * *

Запутался снег, заблудился —
себе не понятен, кружит:
спуститься с небес-то спустился —
носись теперь, как Вечный жид!

Роиться, вихриться, метаться
кристаллам веселым, скользя,
слоиться в магическом танце...
Ах, только на землю нельзя!

Задумался снег, заплутался
меж бронзовых сосен колонн.
Три ветра командуют танцем —
норд-ост, просто норд, аквилон.

Отдыхаю в краю, где каждые полдня меняется время года

Я съем банан и киви,
пойду в зелёный лес,
там сосны-вековухи
сияют до небес.
Меж ними — детки ёлок
и пихточек младых,
но все утопи дружно
в сугробинах седых.
Вчера жила здесь осень,
вечор зима сошла,
весна с зарёй вернулась
и лето принесла:
подснежный лист брусники
глядит из-под ноги.
Ребятки, не грустите —
сугробы недолги!

* * *

Как громко звучит тишина!
Там пряничный домик, украшен,
цветных огонёчков из башен
во тьму засылает.

Одна
гуляю в просторе земном,
и только луны кувыркание
верхами деревьев в тумане
укажет посмертия дом.

А там шашлыками дымят,
и в воздухе талом — вкус мят.

* * *

Дыбом белые волосы озера
под дыханьем весталки зимы.
На престоле пелён свежевывавших
пляшут снежные скакуны.
Отрываясь от скал дальных, плёсами
шлейки снежные выются-свистят,
мчатся-крутятся смерчи белёсые,
свищут за перевал, на Миасс.
Песни-сказы у сосен и лиственниц
вырвут, бьют их о скальный гранит...

Яро батюшко, солнце глазастое,
заступись: Март над миром стоит!
Пусть дымы-раздымы вьюги ветреной
раскатают лучи-силачи.
Вёдром пусть обернётся играньце,
власть займётся весёлой весны!

* * *

Белым воздухом заморожен
в плиты из аквамарина,
солнца Божия улыбку
ты прислал мне, милый друг.

Я играла сарабанду,
там цвели верхами скрипки,
а кристаллики цветные
растоплялись на лучи.

19 марта 2004 г.

До встречи на Богородичной поляне!

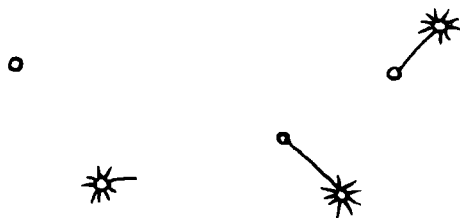
Я , фея, доживу до лета:
вон свиристели в хохолках
приветы дятлам шлют в беретах —
всё Куперены, нет, не Бах!

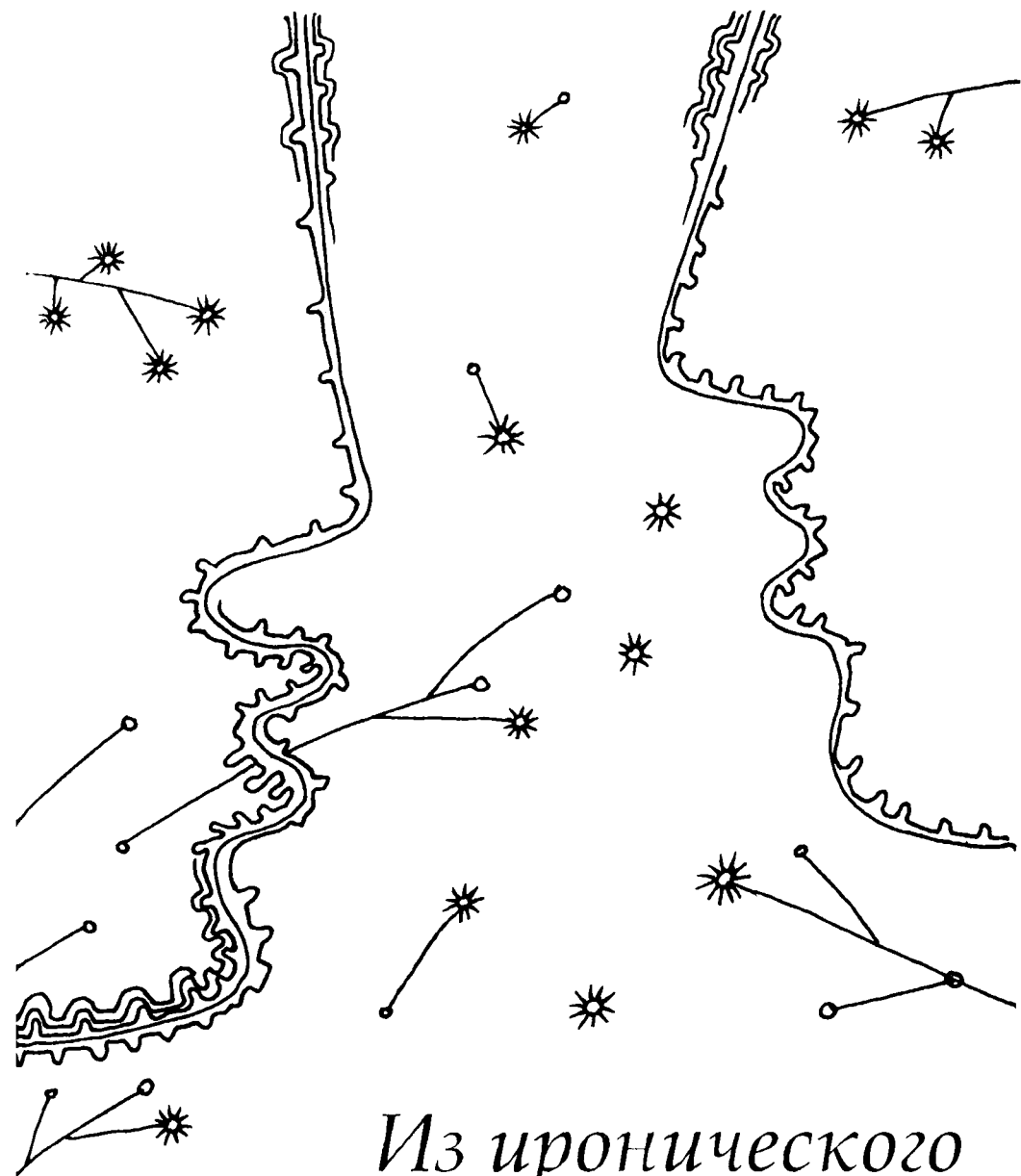
Меня узнали в робкой фейке
и камень с ящеркой в руке,
и пень в разохшейся скуфейке,
и — слышь? — кукушковый Дакен.

Приковыляю на полянку,
нет — прилечу, коль стрекоза,
на дух целебный, как из склянки, —
бессмертный воздух чабреца.

Родные сосны посудачат:
де, мол, она? — кажись, сама!
Быть лету сказочно удачным!

...Но фей не любит мать зима!





Из иронического

По части блатной музыки

*О, Господи! Шиповники цветут!
Напяливает бомж поглубже джонку,¹
хоть у него и справней одежонка
моей, но не способен он на труд.*

*Он не способен даже на улыбку.
Палач покуда в галстух² не продел,
царёва дача³ — вот его удел,
сверяющий с решёткой тоны скрипки.⁴*

Полезная разочарованность

Я думала, что жизнь — красавица:
целует, пестует, не зла!
Несть! Всякий, кто зело ей нравится,
ужо лихучую познал.

Я думала, что жизнь — пригожница:
ждёт правды и не хочет лжи.
Несть! Всякий, кто не посторонится,
напорет след свой на ножи.

Пестунья, рыцарша, усердница,
жизнь, выволочками уча,
накажет — и уже не сердится.
Наивность в ранге палача.

1 Кепка, шапка.

2 Виселица.

3 Тюрьма.

4 Пила.

Вредные истины

Водяные сети-соты,
волновая дробность волн,
окунёвая охота:
щучий сын добычи полн.

Разомкните рыбы зубы,
загляните в страшну пасть:
нежный там язык — не грубый! —
деток рыб иных попасть

заклинает молчьем речью,
шлёт призыв: ко мне, в меня!
...Не хочу со щучкой встречи
в озере средь бела дня!

Без ОМЖ

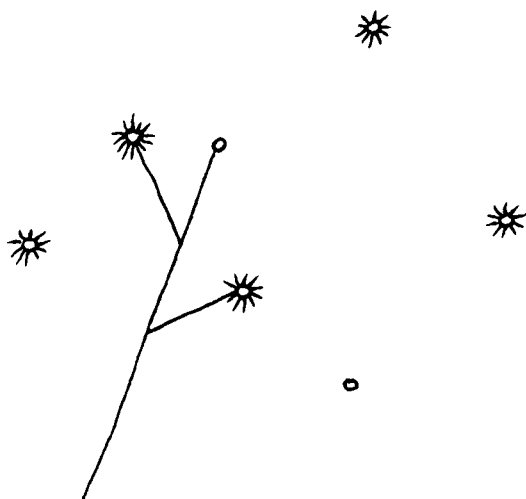
Не ведают времён и сроков,
не имут места и поесть,
бредут бомжи взамен пророков,
отвергнув чистоту и честь.

Хотя нутро до дна озябло,
хотят — не крышу, не кровать! —
вдыхать вино весёлых яблонь
и втихаря торжествовать.

Но ужас всё же в том, что *кашей*
прокисшею из недр помойк
уже весьма позавчерашней
закусывает нищий мой...

Ем у фонтана пирожок с яблоками

Вон прошла соученица
корейка Эля Ким.
Я хотела крикнуть: «Птица!»
Но лета житейских зим
унесли привычку: парты,
фортепьянный экзерсис,
папки с профилем Моцарта
и в гостях с кальмаром рис
выветрились. Коррида
концертантников-детей
при роялике старинном
кончена. В виду летей-
ской безжизненной водицы
неохота вспоминать,
как стремилась сторониться
сверстниц игр и иху мать.



О ненужности вмешательства в ход природы

Оса, нахальная ужасно,
хотела выпить всё и съесть.
Нарушив план её прекрасный
и под сомнение ставя честь
осовью, я взмахнула пижмой
(перед тем осе покушать дав
сок шкурки яблочной, не лишней
и для меня, как я удав
всей витаминной ныне пищи),
гоня наглянку от стола;
она ручищи и усищи
тут на меня как подняла:
«Не ты ль пушочек колыбельки
недавно пестовать бралась,
из коей я через недельку
жить, в свет явившись, принялась?
А нынче соку пожалела?
Оставляю вас! Любите мух!»
И вот уж целую неделю
не шлёт свой осий гуд и дух.

•



В жанре тотальной критики

Казнь бедняжки дроздофилы
хуже смерти комара.
Ты! Пока не опочила,
убирайся со двора!
Что комар? Пищит чуть вечер,
по лбу ты ему: ать! хват! —
Синяком твой лоб увенчан,
осиянный, так сказать...
Лучше, слышь, «Раптора» нету,
разве «Цептер», но цена
невозможная: диету
тут же вспомнить ты должна.
Муха — слуха щекотуха!
Всё равно тебя казним,
не касайся лучше уха!

Лишь комар непобедим.

Природоневедение или Как шишкой можно разохотить драться сорок

Расстроила битву сорок.
Возможно, поступок напрасный.
Иль попросту вовсе прекрасный:
ведь птицы, а не носорог!

Ах, Господи, худо, поверь:
ведь садилов мало и скверов,
но много ужасных примеров,
чтоб стали сороки что зверь!

Мода и жизнь

Миллион моих друзей,
то любимых, то не очень,
в «капри» все из бумазей
разгулялись что-то очень.

Но заполнили бульвар
те, другие, с чёрным глазом,
в пёстром тканеве шальвар,
в слепящих душу стразах.

Тот иному — вслед пятки.
Мир, на старый Рим похожий.

...Заметает лепестки
яблонь под ноги прохожим.



Три этюда в подражание мастеру Козьме

1

Нет! Не то — и то, и это,
светский люд обрыдл давно,
а крестьянские обеды
навевают про гумно.

Нет, и это, и иное
надоедливо весьма:
тротуар, палимый зноем,
или холодная весна.

От пойду себе, гулёна,
подыщу хороший мир,
подышу репьем-паслёном,
по забуду про кумир.

Богом-Господом прекрасным
возгоржуся, как допрежь,
в коллектив людской заразный
не вернуся, хоть зарежь!..

2

Пёстрый хвост у трясогузки,
есть передник и берет,
взгляд, прелестный не по-русски,
только крыши, видно, нет.

Клюнет ясенево семя,
зёрнышко карагача,
нет у птиченьки системы
и талантища рвача!

Так и я, поэт отличный,
напишу афигинет,
но изданий горемычных
на него в помине нет!

Кушать хочется, бывало,
рифмы слюнками текут...
Трясогузке ж горя мало —
у неё наземный труд.

3

*Всё стою на камне —
дай-ка брошусь в море...
Козьма Прутков*

Что пришлёт судьба, однако?
Клещевина, клещ, клещи —
корень с сутью неоднакий,
разность в сумме отыщи!

Клещевина есть растение,
разрастётся вроде пальм!
Клещи нужны для строения,
ну, а клещ на зло нам дан.

Не ходите травкой, дети,
там ползёт ужасный клещ.
Двадцать первое столетие
знаменует эта вещь.

* * *

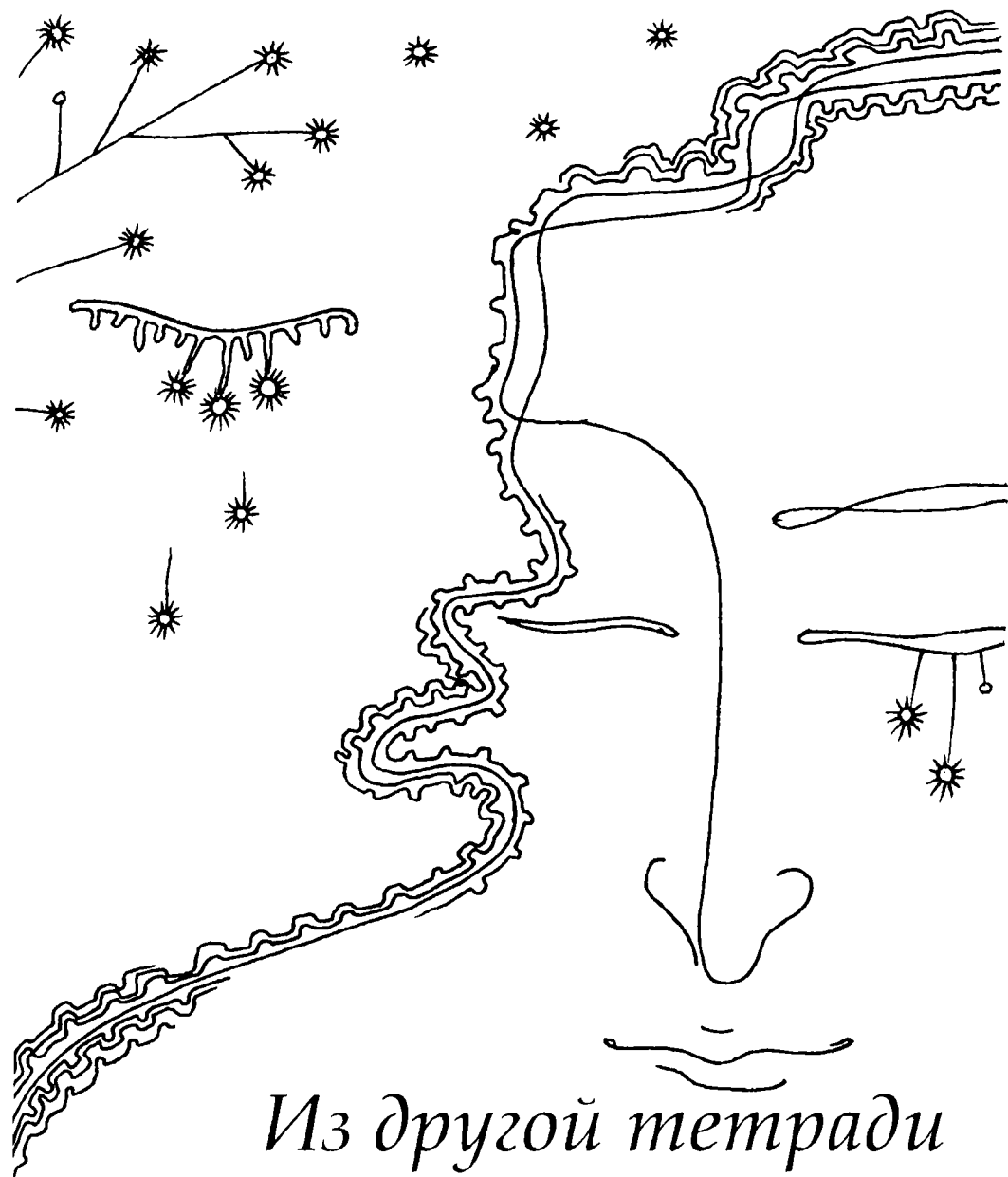
Мой свет, душа моя, скажи —
как теплишься еще в режимности,
держщей нас в ранжире живности,
замешанной на жадной лжи?

Где жить бы, пестуя заброшенность?
Где эта крепость, форт, маяк?
Там волны жарче, чем коньяк.
Там не бывает гость непрошеным.

Травинок скудных не топча,
бродить в камнях, слегка лишь тёсанных,
кормить залётных птиц вопросами,
отвал из галек взяв в топчан.

Не жалуясь на жалкость участи,
жить то потайно, то вразброс,
да Miserere петь под нос,
шушукаясь с водой плескучею.





Павшие звёзды

*Лежат в грязи они, не мерцая,
хвосты и щупальца подобрал.
Никто не сложит портрет лица их,
пропал за звёзды мой бедный брат.*

*Но теплятся синим умом зеницы
лесного забытого божества.
Он волен любить, и припасть, и слиться:
прильнёт, совсем как слепая листва.*

*Забрезжило детство в звериной шкуре,
родится звезда из невещества.
Валяются звёзды на Косотуре,
с землёю ищут родства.*

Собиратели звёзд

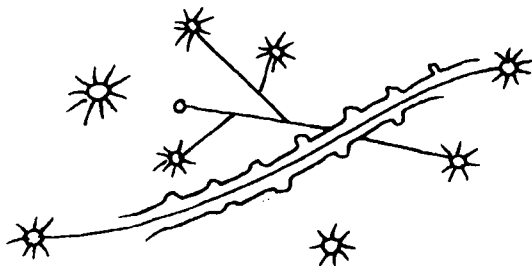
В. Брайнену

*Дым розовый, смятение и осень,
в предместье все светильники горят.
Любимый брат придумал вертоград,
вёл за руку меня к нему — и бросил.*

*Всё осень да тоска, разор да смерть.
Смердит костёр, чадит фонарь перронный.
Кто претерпел паренья и уроны,
тому нетрудно вечность потерпеть.*

Моему предку, генералу 1812 года

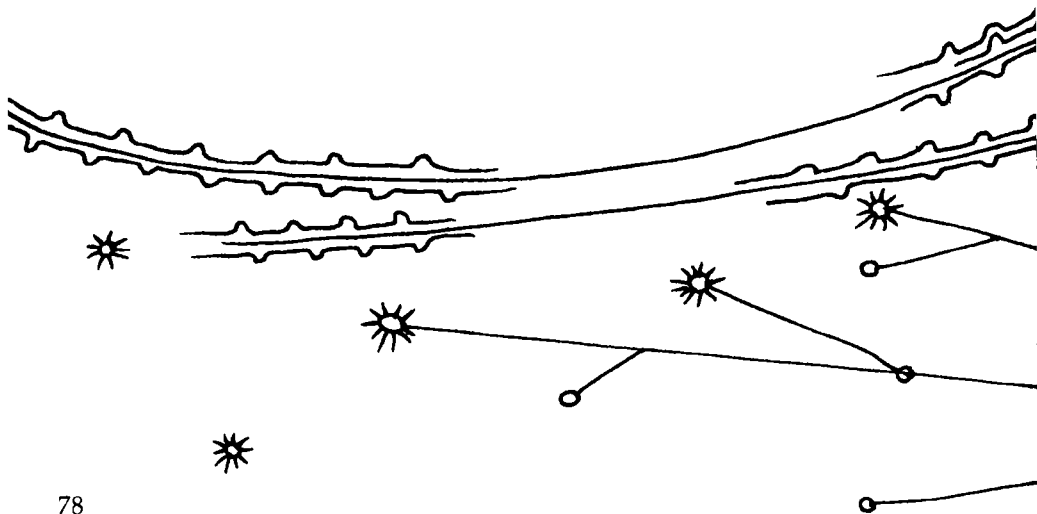
В гипнотарии пахнет карболкой.
Буонапарте взмахнул треуголкой,
несусветной, нелепой махалкой.
Для войны, чтобы ёлки — да в палки,
чтобы пращур мой неумерший,
исстонавшийся на каталке,
сквозь века меня звал: «Наталка!..»
В гипнотарии люди есть вещи,
не надевшие масок зловещих,
это корни и камни, их жалко.
Что Кассандра? — Слепая гадалка,
от речей таких не трепещут.
...Он снимает сапог никудышный,
чтобы вышагать менее слышно
генералу к кушетке. Он жутко
шкандыбает, стащивши обутку
с единичной ноги наличной.
Я лежу. Мне тепло и не больно.
Я свидетельствую невольно
чудеса в чистоте больничной,
где дремотой лечат утраты
и бессмертием — раны ратные.



Ещё старик. Весенняя считалка

Влажно, зелено, нехрустко
прилегла в ограде тень.
Свежего плетня нагрузка,
дремлет сладкая сирень.
Старики сданы на милость
лета: можно плыть и спать.
Что там? — Крыша прохудилась,
нечем-некому латать.
Отступись, земная глина,
переплыл свою судьбу,
рот младенческий закинут,
руки слабые на лбу.

Тише, деда не будите,
старый видит детский сон,
ковыля ему нарвите.
В дальний путь собрался он.



И ещё один. Осенняя считалка.

Этот тополь без пальто —
терпеливый как никто.
В октябре похолодало,
вольно дышится зато.

Этот царственный поэт
вспомнил ту, которой *нет*,
не спасал, не убивал, а
пережил на сорок лет.

Тополь, тополь, подожди:
после снега ведь дожди
соль небесную отмоют,
жизнь зажгут в твоей груди.

Строгий царственный старик,
не срывай себя на крик.
Я тебе затем не верю,
что не верю в звон вериг.



Музыка Скарлатти на Б. Спасской. Болезнь Анны Герман

Королевский капельмейстер,
Доменико-секретарь,
с флейтой жалостливой вместе
за чембало покемарь
в келье у старухи нежной,
где засохшие цветы,
пожелтевшие портреты,
где уместен только ты
да еще певуны Анны
голос в тембре безымянном,
увлажнённый болью взор
на смертельный приговор.

* * *

Я над музыкой не плачу,
не пишу баллад, ни писем,
день мой прост и независим,
и душа моя легка:

только нищая удача,
значит, чистые заплаты,
непослушный конь крылатый
и *Маринина* рука!

19 октября

Целомудренным объятье
не бывает никогда.
В белом небе замерзает
поздней осени вода.
Смертный пот утри певиче,
ночь, ведь нет на ней лица.
Так последний лист стремится
станцевать до колеса.

Лицсисты, осеняне,
девятнадцатым числом
день помечу осиянный,
чтоб спасение росло.

Реплика неведения

Исчадьё сладкое, о круглолобый сын!
А песенки твои уже жестоки,
хоть от ладошек, щёчек, пяточек босых
исходит млечный нежный запах стойкий.

Поэту № 1

1

Подарю тебе стихи детские,
не мои, со дна, из прапамяти.
Подарю тебе стихи дерзкие,
потому что вы судьбу правите.
Потому что вы конём правите
красным, по-надземными кущами.
Потому что я бреду гравием,
гравитацией не отпущена.

2

Помни, что мы ещё люди.

Н. Рерих

Только солнце свалилось за розовый край
перламутровой тучи, заплывшей на запад,
огошло, отпустило, и выступил рай
в том небесном углу, где хотела гроза быть.
И такой наверху расстелился уют,
и такие на землю упали приветы —
малолетние певчие слабо поют
и малиновый звон раздаётся при этом!
Кабы я не взошла на родное крыльцо,
не вгляделась в любимые пристально лица,
а смогла за мотив неземной ухватиться,
распылившийся медоносной пылью...

Не просись, хоть вторым концертмейстером, в рай.
На земле для людей под сурдинку играй.

Кларнету Юры Бабия

Ты просто цилиндрическая трубка,
ты дудка голая в серебряной оправе,
твои чудные клапаны и ямки —
нисколько не искусство. Ты пуста.
Лоскутик невесомый волокнистый
в тебя вставляют — тросточку, камышик,
но музыкой тебе не обернуться,
пока не ляжешь мальчику в уста.

Зашепчутся испуганные кони,
запрядают всполошенные пальцы,
захлещет ветер дивного дыхания,
и полая свирелевая плоть,
вибрируя на самых низких звуках,
взвываясь на крикливые верхушки,
источенная стонами и влагой,
захочет мой рассудок обороть.

О музыке к любви

Время струит ли себя не спеша,
дети ли нежности ищут украдкой,
или тоскует младенец-душа,
ноет, болит, задыхается сладко?..

Света былинки, как блики любви,
плавают в солнечном коридоре.
А человек моё сердце сдавил,
кровь мне замедлил, дыхание ускорил.

Летний облик лирики

Мой дом, конечно, крепость
с шёлковой подкладкой,
где музы-девочки живут,
с утра играют в прятки,
в зелёное и жёлтое. Они
кладут мне сферу звука
на колени.
Толкаются берёзовые тени.
Настали лиственные яблочные дни.

Похвала арабским садам

Марине и Володе

Мавританский газон? — Это чудо чуток попозднее
расцветёт, пораскинет весёлых пестрянок мазки.
А пока одуванцы с нарциссами — кто их роднее? —
на сверкающих травах рассыпались, жарки, резки...
Единицы, соцветья, палестинки, лужайки, поляны:
сыпью солнечною весёлой горит медонос.
Вспыхнет всполох-июль, и охряным, лазоревым, рдяным —
как в испанских дворцах? у эмиров? — зажгутся вразброс.

О глядящем в небо из сетей гамака

Гамак — цитадель сумасшедшего счастья,
гамак изобрёл очумевший святой,
стоявший на камне в любое ненастье,
голодный, немощствующий, холостой...

Когда от молитв онемели колени,
он принялся в кущах лианы искать,
бродя по тропинкам козлиным, оленьим,
чтоб штей из гибкого стебля наскать.

Затем, заплетая зелёные верви,
отшельник придумал ячеистый план:
две гибких лозины в пылу инженерном
сетями с молитвой обвил капеллан

молитвенных бдений. Скупой изначально
на ласку души, обручённый уму,
небесную долю обрёл для печальных
очей, что когда-то лишь снилась ему.



* * *

Ах, только птицы и цветы,
листва берёз, накрытых солнцем,
синиц листвяных перезвонцы,
сошествие имён простых:

скамейка, грядки да дрова,
крыльцо, колодец да веранда,
воздушный путь, луны шаланда
да мокрая в росе трава.

Фреди

Пёс по имени Пятница
золотистостью шкур
просияет, проявится
на пленэре натур!

Очи умные, кроткие
повторяют за мной,
что ужасно короткие
дни у жизни земной.

* * *

В гамаке слушать майские гамы
горихвосток, дроздов, соловья,
листяных монограмм фонограммы
расшифровывать, песню вия
златоцветом пронзённых воздушных
длинноствольных на небо путей
шуму ветреных листьев послушных
птиц, не знавших силков и сетей.



Содержание

Экзерсисы

«Душа моя оденется в виссон...»	8
Облака плывут	8
О строительстве ангара на моём берегу	9
Дитя на день	10
Игорю Жукову, играющему Скрябина как я	11
Цезура	12
С утра за роялем	12
Тихим летом	13
Охотник на пленэре	14
Экзерсисы	15
Тимофею	18
Словечко о добром соседе	18
Словечко о милом Луи	19
Музыке	19
Эскизы к осени	20
Плач	22
«То ли гриб, то ли улитка...»	22
«Не моя ли уж очередь?»	23
«Одиночества, словно неряшества вытертый твид...»	24
Зимний поход к острову Чайка	25
«Горы скрылись горами...»	26
«О Господи! Каких ещё красот...»	26
«Что случилось с птицей памяти моей?»	27
В январе стою посреди горного озера	27
«Рыбаки, по снегам уплывая...»	28
Территория дорогого санатория	29
«Разве скоро полетинь...»	30

Ирисы в кипарисах

«...А на самом-то деле я живу в Крыму...»	32
«Сон плавает на дне, под потолком...»	32
«Простите, фройляйн Смерть, не поспеваю»	33
Лёгкий закон	34
Жестокий роман-с	34
Поэту № N	35
Его Пьеретте	36
Житейское	37
Портрет поэта в белой тунике	38
Ирисы в кипарисах	39
О любви к музыке	40
В краю света	41
Превращения	42
«Сижу в избушке малой...»	43
Стихи, написанные в праздник Преображения	44
Монета, и кувшин, и небесный порядок	46
Целотонная гамма	47
Стретта	48

Пленэры

Конец сентября	50
В репетитории	52
Мои ноябри	53
После	54
Март на Тургояке	55
«Уже март, и корочки льда, кружком кружась...»	55
Про брата Петрушку, жившего в Австрии	56
Разглядываю узоры высоких замороженных волн	58
«Если в купальне спрячешься — встретишь лето...»	58
Жемчужный полдень, глубокие снега и близость рыси	59
«Сосняк вдруг оккупировали дятлы...»	60
«Ах, снег, ты с небом дружен...»	60
«Как будто царю, мне в виньетках скамью...»	61

«Запутался снег, заблудился...»	61
Отдыхаю в краю, где каждые полдня меняется время года	62
«Как громко звучит тишина!»	62
«Дыбом белые волосы озера...»	63
«Белым воздухом заморожен...»	63
До встречи на Богородичной поляне!	64

Из иронического

По части блатной музыки	66
Полезная разочарованность	66
Вредные истины	67
Без ОМЖ	67
Ем у фонтана пирожок с яблоками	68
О ненужности вмешательства в ход природы	69
В жанре тотальной критики	70
Природоведение или Как шишкой можно разохотить драться сорок	70
Мода и жизнь	71
Три этюда в подражание мастеру Козьме	72
«Мой свет, душа моя, скажи...»	74

Из другой тетради

Павшие звёзды	76
Собиратели звёзд	76
Моему предку, генералу 1812 года	77
Ещё старик. Весенняя считалка	78
И ещё один. Осенняя считалка	79
Музыка Скарлатти на Б. Спасской. Болезнь Анны Герман	80
«Я над музыкой не плачу...»	80
19 октября	81
Реплика неведения	81
Поэту № 1	82
Кларнету Юры Бабия	83
О музыке к любви	83

Летний облик лирики	84
Похвала арабским садам	84
О глядящем в небо из сетей гамака	85
«Ах, только птицы и цветы...»	86
Фреди	86
«В гамаке слушать майские гамы...»	87

Рубинская Наталья Борисовна

БРОДЯЧАЯ МУЗЫКА

Стихотворения публикуются в авторской редакции

Художник *С. Никонюк*

Фото на обложке *А. Соколов*

Вёрстка *В. Феркель*

ISBN 5-93162-029-5

Подписано в печать 09.09.04 г.

Формат 60×84_{1/16}

Гарнитура «Палатино Линотайп».

Усл.-печ. л. 5,28.

Тираж 300 экз.

Издательство «Цицero»

454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60.

Отпечатано в типографии «Фотохудожник».

454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155-1.



Наталья Рубинская — поэтесса, эссеист, музыкант. Ее родина и постоянное место творчества — Южный Урал.

В 1974 году окончила Уральскую консерваторию имени М. П. Мусоргского, в 1988 — Литературный институт имени А. М. Горького.

Печатается в центральных и региональных изданиях. Опубликовала книгу стихов «Репетиция» (1995), поэтические циклы в сборниках «Тверской бульвар, 25» (1990), «Держится мир на любви» (1992), «Челябинские акварели» (1996), «Городской романс» (1996), «Молчание, твой голос так высок» (2000), «Утренний час» (2001), «Сто пятьдесят новых стихотворений» (2004) и др. Осуществила научную редакцию книги «100 поэтов XIX—XX веков» (Урал LTD, 2000).

Являясь редактором журнала «Автограф. Челябинск-арт» и газеты «Акцент», стала автором материалов о российских поэтах, художниках, композиторах, мастерах искусств. Плодотворно занимается музыкальным исполнительством и педагогикой: ведет класс фортепиано в Институте музыки имени П. И. Чайковского. Дипломант музыкальных конкурсов. Лауреат литературных и журналистских премий.